

# Глава 1

## СИСТЕМА ВОЗРАСТНОГО ДЕЛЕНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ

Суахилийский документ, известный под названием «Хроника Пате», начинается известием о первом представителе династии Ан-Набхани, Селемани, который вместе с двумя братьями-*ндугу*, Али и Ассмани, пришел в Пате в начале 600 года Хиджры. Титул *мфальме*, правителя Пате, Селеман-бин-Селемани бин-Музафар получил, женившись на дочери последнего представителя предшествующей династии — Ва-Пате (арабизация имени последней, «Аль-Батайвийюна», — несомненно, следствие исламизации), получил при его жизни. Сам Селеман правил пожизненно (о его двух *ндугу* ничего не сказано) и передал титул двум своим сыновьям, Мухаммеду и Ахмаду, которые, по старшинству, правили один за другим, также пожизненно. После Ахмада титул перешел к сыну Мухаммеда, затем — к его внуку и правнуку. Далее титул снова переходит к брату-*ндугу* умершего *мфальме*, затем — к его сыну (третьему по порядку рождения, два старших умерли при жизни отца). Но к четвертому сыну, хотя он и был жив, титул не перешел, его наследует старший сын третьего «дяди». В последующем тексте первой части хроники аналогичные ситуации повторяются с незначительными вариациями.

Уже из этого изложения содержания «Хроники Пате» можно сделать некоторые заключения: первичная норма персонификации статуса высокой социальной персоны (иначе — первичная форма «узурпации» общеэтнического права трехступенчатым кровнородственным особым коллективом) полностью сохраняла принцип смены социальной позиции (возрастного статуса) системы деления доклассового общества — *мфальме* носил титул ограниченный срок, при жизни передавал его следующему брат-*ндугу* (или последний в триаде — старшему из их сыновей). На следующей стадии развития произошло удлинение срока пребывания на посту *мфальме* до конца жизни, но право оставшихся в живых к тому времени (из числа трех правовых) братьев-*ндугу* сохранялось в силе. В узкой «династийной» трехчленной (трехступенчатой) системе утверждение пожизненной нормы «правления» создавало известные перебои «идеального», т. е. бывшего порядка (некоторые наследники могли умереть раньше смерти «правителя»), которые «автоматически» иногда создавали прецеденты перехода титула от отца к физиологическому сыну.

Из тех же африканских материалов следует и другое, не менее важное, заключение: титул «правителя» (и в период строгой временной нормы, и после утверждения пожизненной) не просто переходил от мужчины к мужчине, а был особым образом связан с женитьбой «наследника» — это был главный ритуал принятия титула и символ того, что мужчина здесь не более как «реализатор» права, юридическим обладателем («носителем») которого являлась его жена.

Очевидно, что и эти «особенности» сохранились от традиции социального регулирования доклассового общества, т. е. от норм социально-возрастного и эпигамно-брачного классификационного родства, когда статус полноправия индивида, безусловно, был связан с моментом получения его возрастной группой жесткой обязанности-права эпигамного брака. В социально-возрастной системе доклассового общества норма эпигамного брака связывала мужчин старшей и женщин младшей смежных социально-возрастных групп (или, в рамках классификационной терминологии родства — мужчин и дочерей их дядей по матерям, равно — женщин и сыновей их теток по отцам). Таким образом, в трехчленной «династийной» системе, в ее первичной форме, женами мужчин-«наследников» неизбежно, как гаранты их «права» на титул, должны были оказаться женские потомки тех же ТРЕХ БРАТЬЕВ поколенной группы, т. е. двоюродные или родные их сестры, а для последнего в «триаде» — старшая племянница. Говоря иначе, в первичной «династийной» норме правом, по сути дела, обладала трехчленная поколенная группа — «триада» СЕСТЕР (по классификационному счету родства), а «реализовали» это их право последовательно (по порядку рождения) их мужа-БРАТЬЯ. Поколенные «триады» СЕСТЕР соотносились как МАТЕРИ и ДОЧЕРИ, вследствие чего мужем старшей СЕСТРЫ неизбежно оказывался младший дядя (в терминах классификационной системы эпигамная норма брака «на стыке» поколенных групп связывала младшего ОТЦА со старшей ДОЧЕРЬЮ). Как и в более ранней традиции, физиологическая родственная близость здесь также не учитывалась, главным был порядок рождения в «триаде», соотнесенность «триад» как поколений предков-потомков. Вторая фаза развития «династийного» права «триад» — утверждение пожизненной «реализации» этого права мужчинами — могла установиться только вследствие постепенного разрушения эпигамного брака-ритуала. В условиях «династийной трехчленной системы», где сочетались и пересекались старые нормы возрастной эпигамной регуляции и новые нормы физиологического родства, при ограниченном числе «участников», естественно, время от времени образовывались «пустоты» в структурных ячейках правовой схемы. В «идеальной» схеме учитывались два социальных поколения («колена»), каждое из которых имело три правовых «ячейки» («версты»), содержащих по одному БРАТУ и одной СЕСТРЕ, рожденных в одном временном «порядке». Оба «колена»

вследствие эпигамной нормы ритуальных браков представляли собой «отрезок» непрерывной «цепочки», где браки объединяли мужчин старшей «версты» и женщин смежной младшей. Если вне «династийной системы» (или, в доклассовом обществе, до появления физиологически родственных «династий») в каждой «версте», как в социально-возрастном статусе, пребывала многочисленная конкретная группа «одновозрастных», и чья-либо смерть не вела к нарушению функционирования системы, то в условиях «династии» смерть или «не-рождение» индивида создавали сложную ситуацию.

Изложенного вполне достаточно, чтобы представить результаты различных вариантов «недостачи» мужчин или женщин в трехчленной правовой схеме.

1. К моменту передачи «титула» в старшем «колене» нет мужчины (3-го брата), т. е. нет мужа («реализатора» права) для 1-й СЕСТРЫ младшего «колена». Женщина получает обязательное право замужества в связи с наступлением соответствующего социального возраста, она обязана иметь мужа. И таковой находится вне системы членов «династии» и входит в нее на правах «побратима» двух старших братьев старшего «колена». Далее, если нет «недостач», все идет своим чередом.
2. К моменту передачи «титула» нет мужчины — 1-го (старшего) БРАТА в младшем «колене», т. е. мужа для 2-й СЕСТРЫ младшего «колена». Здесь могут быть два решения: а) мужем может стать 4-й (внесистемный) БРАТ старшего «колена», поскольку по социальному статусу он в той же «версте», что и отсутствующий 1-й БРАТ младшего «колена»; или, как и в первом варианте, иной «не родственник» мужчина соответствующего социально-возрастного статуса, оба в качестве «побратимов», но уже двух младших братьев.
3. В «колене» нет 3-й (младшей) СЕСТРЫ, т. е. 2-й БРАТ не может быть иницирован (женитьба на «внесистемной» женщине не составит ритуала инициации) в данной «династии». В таком случае за него «правит» 1-й БРАТ, т. е. возникает ситуация «удвоения статуса» — шаг к пожизненному сохранению права на титул. Статус может и утроиться, если не окажется и 1-й СЕСТРЫ в младшем «колене», что объективно почти гарантирует пожизненный «прецедент». Кроме того, в данной ситуации столь же объективно возникает и «прецедент» передачи «титула» от отца (1-й БРАТ старшего «колена») к физиологическому сыну (1-й БРАТ младшего «колена») вследствие невозможности иницировать 2-го и 3-го братьев старшего «колена».
4. В младшем «колене» только три СЕСТРЫ (братьев нет), 1-я сестра замужем за 3-м братом старшего «колена», 2-я и 3-я сестры, в свою очередь, должны будут взять мужей вне «династии». Муж 2-й сестры, таким образом, окажется в позиции социально-одновозрастного БРАТА 1-й

(старшей) сестры, а муж 3-й сестры — 2-м БРАТОМ. Потребуется и 3-й «внешний» мужчина (как социально-одновозрастный БРАТ 3-й сестры), иначе не будет мужа у 1-й женщины 3-го, более младшего «колена» (социальной дочери 1-й женщины 2-го «колена»). Вследствие всего этого мужская часть 2-го «колена» окажется, с одной стороны (по системе классификационного родства), социальными сыновьями старшего «колена», а с другой, будучи вне физиологического родства со старшим «коленом», — только «усыновленными». Как члены «поколенной группы», независимо от их прошлых родственных отношений, они будут братьями в правовой «триаде», но «инородцами» в «династии», т. е. образуют начало новой «династии».

Во всей этой логической ситуации наиболее любопытным является то, что юридическим хранителем «династийного права» на отделенную от остального этнического коллектива («узурпированную») ту или иную социальную ценность является женская кровнородственная «линия», а реальная династия прерывается, если разрушается кровнородственная «линия» мужчин. Разрушение же женской «линии» создает предпосылки утверждения пожизненного права для мужчин и передачи его от отца к физиологическому сыну, что, в конце концов, приводит к узурпации мужской линией и нормы его юридического хранения, т. е. к вытеснению женской «линии» из нормы «династийного права».

Здесь были приведены только наиболее общие и сравнительно простые логические варианты естественных нарушений или несовпадений с «идеальной» трехчленной правовой системой, вызываемые совмещением в ней уходящих принципов классификационного социально-возрастного родства с принципами наступающего физиологического. Весьма вероятно, что физиологический принцип родства в первичной форме трехчленной системы права был единственно возможным основанием для закрепления «ограниченного права» в условиях действующей более архаичной и «всеобщей» системы социального правового регулирования, опиравшейся на принципы классификационного социально-возрастного родства. Поэтому отмеченные (и другие) варианты естественных «сбоев» в функционировании трехчленной «династийной» системы права наследования неизбежно должны были быть дополнены и вариантами, отражающими активное стремление к «освобождению» от норм старой традиции, равно как и активное сопротивление со стороны последней. Сюда могут относиться, например, сознательное удвоение или утроение статусного времени нахождения персоны у власти в ситуациях, в которых братья-наследники не могут быть иницированы как «полнолетние», с одной стороны, а с другой — предусмотрены жесткие меры для пресечения таких стремлений. Первое «стремление» так или иначе могло опираться на то, что в предшествующей традиции мужчина получал статус не только вследствие формаль-

ного перехода его возрастной группы в соответствующую возрастную ступень («версту»), но и в результате успешного завершения серии «испытаний», а ритуал брака окончательно закреплял за индивидом его полноправие. Следует учитывать, что и это полноправие не было пожизненным, оно продолжалось до «выхода из системы», т. е. в течение некоего конечного срока. Следовательно, если создать сознательно ситуацию, в которой «следующий» БРАТ не смог пройти «испытания» и вступить в брак-ритуал, БРАТ — обладатель титула как бы терял необходимость его передачи и сохранял его за собой, утверждая повторным браком-ритуалом на «невесте» следующего (отстраненного) БРАТА. Это могло повторяться еще несколько раз, так что обладатель титула вступал в брак и в младшем «колене» в брак со своей дочерью. Уже двойной брак (т. е. «законный» — на традиционной жене-СЕСТРЕ, и нетрадиционный — на ее младшей СЕСТРЕ) вел к тому, что в младшем «колене» оказывались только физиологические потомки (идеально — три дочери и три сына) обладателя титула, возникал «зародыш» (хотя и усеченный нормой «триады») линейного генеалогического правового РОДА. Третий брак (на дочери) не способствовал укреплению тенденции генеалогического РОДА, поскольку «родоначальник» в этом браке рождал «внуков», старший из которых объективно оказывался правовым «двойником» старшего ВНУКА (сына сына «родоначальника»), что, естественно, порождало реальный конфликт, разрешавшийся только гибелью одного из правовых «двойников». Варианты «недостачи» мужчин в «триаде» и неизбежность появления «побратимов» также могли порождать правовые конфликты вследствие того, что физиологическое происхождение нередко выходило за пределы «триады» (четвертый и другие братья).

В условиях правовой трехчленной системы, по сути дела, учитывался не подвижный социально-возрастной статус старой традиции, а стативный факт — порядок рождения. По мере ослабления строгости брака-ритуала (появление повторных браков) порядок рождения делался главным правоопределяющим моментом, что вызвало мысль о возможности «пересчета» при недостатке БРАТА, т. е., например, замещение 2-м «пустующего» статуса 1-го, передвижение 3-го на место 2-го и включение в «триаду» 4-го брата, не входившего, по трехчленному праву, в норму, но находившегося в фактическом родстве с тремя старшими.

В качестве мер по сохранению «идеальной» трехчленной традиции, кроме допуска «усыновленных» мужчин и «побратимов» — что, скорее, относится к «влиянию» на новую традицию норм более старой — видимо, следует отнести появление различных форм «божьего суда» для выяснения большей «правоты» одного из «правовых двойников», и, как его особой формы, — ритуального умерщвления обладателя высокого социального

титула (продлившего статус тем или иным путем) по сигналу какого-либо (возможно, «сфабрикованного») знамения.

Разумеется, перечисленное далеко не исчерпывает всех ситуаций, неизбежно возникавших спонтанно или создававшихся сознательно, но бывших следствием возникновения, на фоне традиций уходящего доклассового общества, новой традиции общества переходного периода. Но уже и этого достаточно, чтобы утвердиться в мысли о сложности и длительности даже не всего периода, а только того времени, которое было связано с установлением пожизненной нормы права, заменившей норму социально-возрастного статуса.

Между тем, если посмотреть на «Хронику Пате» как на историографический документ, то переход от более архаичной нормы временного обладания титулом *мфальме* к норме пожизненного правления выглядит мгновенным, как бы «установлением» или «учреждением» конкретного лица — Селемана, основателя династии Ан-Набхани. Это могло бы быть вероятным, если бы Селеман был могучим завоевателем (или ставленником такого), т. е. в условиях «парадоксального» развития, когда сильное и более развитое общество навязывает свою волю более слабому. Да и в таких случаях, чтобы навязанная норма стала традицией, необходима или полная перестройка экономической основы порабощенного общества, или ее глубокое разрушение и подчинение более мощной экономике.

Ни о чем даже близком к этому «Хроника Пате» не сообщает. Напротив — сказано, что Селеман получил титул правителя при жизни предшественника как «свадебный подарок», женившись на его дочери. Но правил он до своей смерти, как и последующие правители Пате. Здесь роль женщины — жены правителя (и в то же время — дочери предшественника и его жены) отчетливо не обнаруживается, и нет никаких сведений о возможном родстве между Вапате (аль-Батавийюна) и Ан-Набхани, но в конце первой части «Хроники» описан исторически достоверная ситуация, из которой вытекает почти вся правовая норма и отчетливо ясной становится роль женщин в этих правилах, хотя в запись «Хроники» их попадает только две: «безымянная» жена Селемана — «основателя» (начало XIII в.), и Мвана Дарини — жена *мфальме* Бвана Мкуу бин-Бакари, плененного португальцами и увезенного ими в Гоа (начало XVI в.).

Произошло это во время правления Бвана Мкуу бин-Бвана Бакари, среднего брата-*ндугу* (в одиннадцатом «колене»), получившего титул правителя после смерти старшего брата-*ндугу* — Абу Бакара бин-Мухаммада. Младший *ндугу* «триады» — Бакари бин-Бвана Бакари — умер во время правления среднего. Двенадцатое «колено» составили: Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу, Бвана Мкуу бин-Бакари и Ахмад бин-Бакари. Вне «триады» был еще один брат-*ндугу* — Бвана Мади бин-Бвана Мкуу. По нормам социального родства трое старших *ндугу* двенадцатого «колена» считались



(общими) сыновьями трех социальных отцов (*баба*), т. е. трех *ндугу* одиннадцатого «колена», а арабизированная форма имен позволяет легко установить физиологическое родство. «Сечения» имен правителей на группы *ндугу* (= «колена», или «триады») достаточно отчетливо: от третьего *ндугу* всегда идет переход к младшей «триаде», даже если первый или два старших *ндугу* по какой-то причине не носили титула. Четвертый брат, Бвана Мади бин-Бвана Мкуу, попадает в текст социально-правового документа (каким, по сути дела, является «Хроника») из-за событий, описываемых в связи с 11, 12, а частично и с 13-м «коленами». По этой же причине появляется и женщина — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу, жена (и *ндугу*) среднего члена двенадцатого «колена» — Бвана Мкуу бин-Бакари. По норме социального родства она была «одновозрастной» сестрой-*ндугу* Ахмада бин-Бакари.

Суть происшедших событий не будет достаточно понятной, если не учесть малозаметного следа очень древнего элемента возрастной социальной традиции, полностью действовавшего в ее «тотемической стадии». Он заключался в том, что двое или несколько индивидов, имеющих одинаковые имена, воспринимались как «физическое воплощение» одного «идеального» существа. Так можно обозначить это восприятие наиболее кратко, полное значение этого принципа излагать здесь нет надобности. А произошло следующее: португальцам не удалось, как это было с другими городами суахилийского побережья, сразу захватить Пате, который располагался в глубине острова, вне досягаемости корабельной артиллерии. После одного из неудачных сражений они пригласили для переговоров к себе на корабль правителя Пате. Правил тогда Бвана Мкуу (бин-Бвана Бакари). Он послал вместо себя своего «тезку», Бвана Мкуу (бин-Бакари) второго из следующей «триады», своего социального СЫНА (и физиологического племянника — сына младшего физиологического брата, умершего Бакари бин-Бвана Бакари). Португальцы вероломно задержали Бвана Мкуу (бин-Бакари) на корабле и увезли его в Гоа. В это время умер старший, правивший, Бвана Мкуу (бин-Бвана Бакари), и титул перешел в двенадцатое «колена», к Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу (к старшему в «триаде» и физиологическому сыну умершего). Видимо, португальцы поняли этот переход как норму наследования от отца к сыну. Поэтому они «подружились» с Ахмадом бин-Бакари (физиологическим младшим братом пленного в Гоа Бвана Мкуу бин-Бакари) и стали плести интригу, чтобы поставить у власти в Пате своего человека. Они подговорили Ахмада, который в качестве младшего в «триаде» имел мало надежды получить титул, убить (как это представлялось португальцам) «членов правящего рода», т. е. получившего титул *мфальме* Бвана Бакари бин-Бвана Мкуу и «бесправного» (четвертого) Бвана Мади бин-Бвана Мкуу, что он и сделал. По традиционной норме «триад», *мфальме* должен был

бы стать Бвана Мкуу бин-Бакари, но он был в плену в Гоа. Опираясь на португальцев, титул *мфальме* Пате захватил Ахмад бин-Бакари.

В понятиях португальцев, все обстояло нормально: убитые принадлежали к другому «роду», старший брат Ахмада (видимо, опасный португальцам) был далеко и под стражей. Однако суахильская традиция правопорядка была нарушена. Во-первых, традиционный наследник был жив; во-вторых, титул *мфальме* закреплялся (точнее, реализовался) брачным ритуалом преемника и женщины-хранительницы права, а таковой оставалась жена (и сестра-*ндугу*) пленника — Мвана Дарини бинти-Бвана Мкуу (того же социально-возрастного статуса, что и Ахмад, для него абсолютно бракозапретная). Знатоки и хранители традиционного права нашли выход из создавшегося положения. Воспользовавшись запаздыванием муссонных дождей (за наступление которых магически «отвечал» *мфальме*), они полностью повторили брачный ритуал Мвана Дарини, в котором роль мужчины исполнял ее (и пленника) 7-летний сын с титулом *имаму-лимади* (заместитель наследника). Здесь главное было не в том, что Бвана Таму был сыном пленника — он, после Ахмада, последнего в старшей триаде (и бракозапретного для Мвана Дарини), был первым в младшей триаде (первым из трех «сыновей»). Вследствие всех этих мероприятий Ахмад сложил с себя сан *мфальме* (суах. *акаджузул*). Совершенно неверно было бы понимать ситуацию в более поздних правовых нормах (в кажущейся «понятности») как «регентство» Мвана Дарини при малолетнем наследнике (как, например, понято правление княгини Ольги — ситуация почти аналогичная суахильской — при малолетнем Святославе). Этому мешает изложение последующих событий: после смерти Бвана Мкуу в Гоа Ахмад получил титул *мфальме* на законном основании, а после его смерти — вторично, уже за себя, правил Бвана Таму. Второй представитель этой триады и последняя персона-*ндугу* тринадцатого «колена» — Бвана Гонго бин-Ахмад. Можно предположить, что он, как и Бвана Таму, участвовал в войне с маскатскими арабами, недавними союзниками суахильцев по изгнанию португальцев, и был убит.

Таким образом, этот отрывок из «Хроники Пате», вместе с вступительной частью, позволяет реконструировать часть сложной социально-правовой традиции, несколько конкретных «правовых прецедентов», и тем самым определить, на какой стадии развития этой традиции находилось суахильское общество с XIII по XVI столетие, т. е. степень его «продвинутости» от архаической системы социально-возрастного родства к физиологически-родственному линейному РОДУ.

1. С абсолютной очевидностью ясно, что хранителями права на титул *мфальме* были ЖЕНЩИНЫ — женская линия социального родства в физиологически родственных «триадах» сестер-*ндугу*, передававших это право «триаде» социальных ДОЧЕРЕЙ (и физиологически род-



- ственных), брак-ритуал с которыми «наделял» мужчину титулом *мфальме*.
2. Их мужьями должны были быть их старшие смежные братья-*ндугу*, только три («триада» родившихся последовательно).
  3. Если «триада» мужчин «отсекалась» жестко и могла быть неполной, т. е. четвертые (и последующие) *ндугу* не входили в правовую норму, или мужских потомков «не хватало», то «триада» женщин (долженствующая быть непрерывной) не могла быть ограничена только физиологическим родством.
  4. Когда у «триады» женщин не оказывалось сыновей, но были дочери, браки-ритуалы заключались с тремя мужчинами-*ндугу* внешнего происхождения (возможно, что ими становились трое младших *ндугу* «триады» матерей, т. е. 4, 5 и 6-й «дяди» дочерей).
  5. За «недостающего наследника» (или «наследников») продолжал править старший *ндугу*, а ритуальные жены (или жена) «недостающих», вероятно, становились внеритуальными женами (видимо, точнее, он становился их мужем, чтобы они имели потомство).
  6. Как вариант замещения отсутствующего (но живого) «наследника», возможен был фиктивный брак-ритуал его жены с другим лицом. В этом случае «муж» исполнял обязанности отсутствующего *мфальме*, но его физиологические дети не входили в «правовую норму».
  7. Следовательно, несмотря на «наложение» на социально-возрастное родство (системы доклассового общества) родства физиологического, «отсекающего» «триады» старших потомков (того и другого пола), правовой «стержень» остается архаическим, это — женская линия социального родства, где «право» четко передается по «триадам» женщин-*ндугу* (XIII–XVI вв. н.э.).

Остается выяснить, действительно ли с правления Селемана бин-Селемана («основателя» династии Ан-Набхани) устанавливается пожизненная норма власти. Его правление начинается с подозрительно круглой даты — 600 года Хиджры, и при жизни Исхака Аль-Батавийюна (Вапате) два его *ндугу* — Али и Ассман — не правили. В 625 году (после смерти Селемана) стал править его старший сын — Муххаммад, которому было 20 лет (младший — Ахмад, был «еще *мвана*», т. е. еще несовершеннолетний). Допустим, что Исхак сложил с себя власть, исчерпав свой «активный социальный цикл» (как у галла — в 48-летнем возрасте), т. е. правил с 24 лет ТРИ «статусных времени». Предположение, что Исхак мог быть и последним в «триаде» и сложить сан в 32-летнем возрасте, на «фоне» так или иначе фиксированного «Хроникой» 24-летнего правления Селемана, представляется менее вероятным. Следовательно, либо у Исхака не было двух младших братьев-*ндугу*, либо они умерли до возраста совершеннолетия, а Исхак был женат и на своей ритуальной жене, и на ее младшей *ндугу*, и на

своей старшей дочери (физиологической, поскольку его братья не правили). «Побратимом», т. е. пришедшим извне одновозрастным (одностатусным) *ндугу* этой дочери-жены, и стал Селеман бин-Селеман Ан-Набхани, а его брак-ритуал с ее младшей *ндугу* сделал его *мфальме* Пате. Братья Селемана — Али и Асман — учтены Хроникой, но они не правили. Возможно, что их и не было, но для полноты права в правовом документе Селемана следовало представить как старшего *ндугу* триады (сравнить, например, с Рюриком и его двумя братьями — с Кием Щеком и Хоривом; даже с Зевсом, Нептуном и Плутонем). Селеман (в отличие от своего предшественника) правил до смерти — 24 или 25 лет, т. е. умер как-то странно «в срок» (в 24 года вполне укладывается три статуса по 8 лет) и, видимо, в том же возрасте (около 48 лет), в каком Исхак передал ему титул. По всей видимости, Селеман также был в браке с двумя *ндугу* и дочерью. Судя по всему, у Селемана, кроме дочери-жены, могли быть еще две дочери, обладавшие правом брака-ритуала, и он мог дальнейшими браками сохранить за собой титул (прецеденты подобных поступков можно найти), но либо он исчерпал весь временной диапазон своей триады, либо был умерщвлен по ритуалу, если этот обычай еще действовал (след его сохранился у суахили в легенде о Лионго-Фуму). В момент смерти Селемана его старшему сыну Мухаммеду было 20 лет, т. е. недоставало четырех лет до архаического совершеннолетия мужчины, но он принял сан и титул *мфальме*. Из этого следует, что к его времени важнейший ритуал принятия сана (он же — ритуал совершеннолетия) оказался сильно потесненным (возможно, произошло его «расщепление») ритуалом погребения умершего *мфальме*, который и стал, собственно, ритуалом принятия сана «наследником».

Такие быстрые и коренные изменения в столь важных обычаях вызывают естественное сомнение в событийной реальности сообщений: скорее следует видеть в этом «легендарное» отражение длительного периода постепенных изменений традиции, удельной значимости ее «деталей», с угасанием и исчезновением одних ритуалов и возвышением других, когда, случайно или «активно», возникали «прецеденты» не пожизненного, а трехстатусного времени правления одного *мфальме*. Видимо, таким путем «династийный» трехчленный ствол стремился сосредоточить в «своем кругу» и верховную военную власть (*мфальме* в возрасте от 24 лет), и верховную роль среди старейшин (тот же *мфальме* в возрасте от 40 до 48 лет). Может быть, где-то здесь, на этом стадийном «отрезке» эволюции социально-правовой градации, кроется возникновение, а затем и исчезновение столь распространенного в архаическом обществе обычая умерщвления-ритуала социально значимой персоны, «исчерпавшей» срок своих полномочий. Во всяком случае, выдвижение на главное место в «ритуале посвящения в сан» погребальной церемонии предшественника объективно ведет к установлению нормы пожизненного правления, как только преодолева-

ется ритуал-убиение (или, по меньшей мере, «смещение» вследствие наступления «внесоциального» возраста).

По «Хронике», старший сын Селемана — Мухаммад, как и Селеман, правил 25 лет (или 24 года) и передал титул брату Ахмаду (т. е. в возрасте 45 лет, когда Ахмаду было 35). Если «вычесть» из реального возраста Мухаммада те 4 года, которых ему не хватало до совершеннолетия в момент принятия сана, то в момент его «смерти» ему было 46 социальных лет (или около того). По логике трехчленной правовой схемы, Ахмад бин-Селеман «выпадал» из нормы времени правления своей «триады» и оказывался как бы «четвертым *ндугу*» из-за длительности правления старшего брата. Но «Хроника» сообщает, что он правил с 650 по 670 год Хиджры, т. е. 20 лет, и передал сан Ахмаду, сыну старшего брата — Мухаммада, который правил 35 лет. Ситуация сложная. Если счесть этих двух Ахмадов за одно лицо (т. е. предположить, что Ахмад бин-Селеман «перешел» на место старшего *ндугу* в третьем «колоне» и стал Ахмад «бин-Мухаммад»), то вызывает сомнение длительность его полноправного статуса — до 70 лет (35+35). Естественнее предположить просто «сбой» дат правления или, точнее, «наполнение» указанных в начале документа некоторых, соотносенных с правовой нормой, числовых характеристик, «хронологией» от Хиджры, с последующим «разнесением» всех имен по этой «хронологии». Это предположение вроде бы подтверждается тем, что, несмотря на путаницу в именах на стыке двух частей «Хроники», где, как при столкновении двух льдин, перемешиваются их обломки, повторяются некоторые фразы и имена, «хронология» идет без нарушения через весь текст от 600 года Хиджры и до установления английского протектората в первые годы XX века. Таким образом, если вернуться к Мухаммаду и Ахмаду (сыновьям Селемана), то, скорее всего, некогда — в каком-то «исходном» документе, может быть, в устной правовой легенде — как максимальное время правления одного лица указывался срок трех статусов, условно переданный датами правления Селемана (600–625 гг.) или как-либо иначе, а дальше шел только перечень имен по порядку. Говоря иначе, если начало «Хроники» рассматривать как «уплотненную» схему традиции социально-правовых норм стадии «триады», то этих двух «Ахмадов» можно принять за своеобразную персонификацию одного (идеально-легендарного) индивида, когда тот по порядку рождения относится к «триаде» (и жив), но время его правления «исчерпано» предшественником.

В таком случае он, как младший *ндугу*, представлен физиологическим сыном Селемана (-бин-Селеман, как и старший), а во второй раз — как старший в следующей «триаде», т. е. как «физиологический» (и социальный) внук и социальный сын Мухаммада (и «физиологический» — бин-Мухаммад). В условиях борьбы старой (возрастной, социально-родственной) и новой (физиологически родственной, трехчленной) социально-правовых

систем, такая «комбинация» не столь уж и фантастична: ведь правил же (и много позже времени Ахмада) Бвана Таму дважды — за плененного отца (как Бвана Таму Мтото, в тексте «Хроники» его отец, Бвана Мкуу бин-Бакари, во время плена именовался Бвана Мкуу ва — (= бин-) Бвана Таму, а Бвана Таму — бин-Бакари); второй раз — после законного правления «узурпатора» Ахмада — как Бвана Таму Мкуу бин-Бвана Мкуу — за себя. Здесь две персоны (и не легендарные, а реально жившие) в сложных политических и правовых обстоятельствах по нормам традиции менялись «ипостасями». Так или иначе, Мухаммад бин-Селеман (как и Исхак, и Селеман) правил три статусных времени (возможно, пожизненно). Ахмад бин-Мухаммад, также — его сын, Мухаммад бин-Ахмад и внук Умар бин-Мухаммад — все правили или трехстатусное время, или до смерти.

Дальнейший текст «Хроники» мешает выводу об установлении нормы передачи власти от отца к (одному) сыну. После Умара правят по очереди два его физиологических сына (Мухаммад бин-Умар и Ахмад бин-Умар), правят явно пожизненно, поскольку «Хроника» в следующей «триаде» упоминает двух умерших сыновей Мухаммада бин-Умари (Бвана Мкуу и Ахмада) и Абу-Бакара бин Мухаммада, третьего, который и наследовал власть, как физиологический сын умершего *мфальме*, но и как младший *ндугу* «триады». Таким образом, вывод о прямом наследовании сыном был бы ошибочным. Более того, запись в «Хронике» (в 3-4-5-й «триадах») последовательного перехода титула от отца к сыну (старшему), минуя младших *ндугу* (не учтенных «Хроникой»), не отражала индивидуальной борьбы за власть, как это можно предположить с легкой руки. Здесь остался след иных явлений — след внутренней борьбы противоречивых элементов самой трехчленной социально-правовой традиции еще до ее разрушения, но ведущей к этому. Если бы сохранились историографические записи об этом периоде суахильской истории или доисламские эпические произведения, они, вероятно, были бы полны повествований о трагически мрачных и кровавых фатальных событиях. Но у нас есть только социально-правовой документ, составленный в традиционной для суахильской культуры форме и, по недоразумению, именуемый «Хроникой». По этой причине и вследствие буквальной невозможности «соскользнуть» в обширную область «здорового смысла», т. е. к «реконструкции» придворной политической жизни, приходится ограничиться реконструкцией некоторых этапов в эволюции содержания трехчленной системы.

Первый этап, который фиксирует начало «Хроники», заключается в норме, содержащей следующие правила: власть «наследуется» «триадой» братьев-*ндугу* (родных и двоюродных) на 24 года (или на 25 лет, где один год мог уходить на проведение ритуалов), а социально-значимая должность отправляется индивидуально, последовательно по старшинству (точнее, по порядку рождения братьев *ндугу*); право индивида на титул определялось

ритуалом-браком с сестрой-*ндугу* (родной или двоюродной, младшей *ндугу* из женской «триады», дочерей от браков старшей «триады»); все дети членов «триады», рожденные вне традиционного, дающего право на их «инициацию» срока (24-40 социальных лет), не входят в «династийный правовой ствол»; «недостача» мужской или женской персоны в «триаде», вероятно, пополняется за счет «аналогичных» по социальному возрасту представителей этноса (т. е. традиционной социально-возрастной системы, «внешней» по отношению к «династийному стволу»); юридическими хранителями социального права мужчин «династийного ствола» являются их жены, т. е. женщины «триады», получающие его от своих социальных МАТЕРЕЙ (женщин старшей «триады»).

Второй этап эволюции внутреннего содержания трехчленной правовой нормы был связан со стремлением мужчин системы оградить «династийный ствол» от «вторжений» физиологически неродственных мужчин в случаях преждевременной смерти или «нерождения» в определенный срок мужчин-«наследников». Это достигалось своеобразным видоизменением ранее существовавшего обычая повторного брака-ритуала «вдовы» для выравнивания ситуации при ранней гибели только что принявшего титул *мфальме*. Видоизменение этого обычая заключалось в том, что правящий *мфальме*, если не оказывалось по указанным причинам брата-*ндугу*, которому он по истечении 8 традиционных лет должен был передать титул, повторно вступал в брак-ритуал со второй младшей сестрой-*ндугу* (и даже в третий раз — со своей старшей дочерью, первой в «триаде» детей). Сложность ситуации была в том, что «заместителем» рано погибшего *мфальме* не мог быть его *ндугу*-наследник — он был абсолютно бракозапретным («одно-возрастным») *ндугу* вдовы, и эту роль исполнял «третий» брат (в случае, когда погибший *мфальме* был средним в «триаде», как плененный Бвана Мкуу — вдова совершала брак-ритуал со своим первым сыном, как Мвана Дарини), и его повторный («законный» брак, хотя и давал ему право на титул, исключал его физиологических сыновей из «династийного ствола»). На этом же основании, видимо, и физиологические сыновья *мфальме* от повторных браков только удлинляли срок правления индивида (до 16 или 24 лет), но все равно с течением времени, «исключаясь» из права «наследования», создавали «пустоты» в схеме правопорядка, которые приходилось заполнять мужчинам, физиологически не родственными. Иначе говоря, схема принимала характер дискретной последовательности физиологически родственных групп, не родственных между собой по мужской линии, т. е. действительных династий правителей. Четвертый брак-ритуал *мфальме* (брак со второй дочерью) традиция не могла допустить по причине того, что *мфальме* достигал предельного возраста социальной активности — 48 социальных лет. Здесь неизбежным оказывался «внешний» муж для второй дочери *мфальме*.

Этот, второй, этап в эволюции трехчленной правовой нормы, несомненно, был самым напряженным периодом борьбы старой и новой социально-правовой традиции и не мог проходить плавно и равномерно. Видимо, «победа» неоднократно оказывалась то на одной, то на другой стороне. В сохранении старой, строго социально-возрастной, традиции в нормах наследования власти «династийным стволом» был заинтересован весь этнос, поскольку через заполнение «пустот» мужчинами из его среды (в соответствии с возрастной нормой) этнос был непосредственно связан с выделившимся институтом этой власти. В то же время, мужчины «династийного ствола» стремились к окончательному выделению из этноса на основании замкнутости физиологического родства в «триадах». Добиться этого можно было только утверждением пожизненного права на титул *мфальме*. А этому мешал традиционный «конечный социально-активный возраст» — 48 лет. Видимо, попытки узурпации власти после 48 лет и вызвали к жизни ритуал-убийство правителя, исчерпавшего весь срок «триады». Можно с достаточной вероятностью предположить в этот напряженный период и стремление «четвертых» и т.д. братьев (физиологически родственных «династийному стволу») «пробиться» в правовую норму наследования, и убийства их (в т. ч. убийство-ритуал), убийства «внешних» мужей-«побратимов», и многое другое.

Но к установлению пожизненного правления (с сохранением остальных норм «триады») привела не эта реальная и, несомненно, кровавая борьба за права, а нечто совсем иное. Дело в том, что прецеденты максимального времени правления индивида «удваивали» его социальную позицию. *Мфальме* — это верховный военный вождь, руководитель возрастных отрядов молодежи статусов воина (16–24 и 24–32 лет социального возраста) своего этноса. Эту роль он исполнял, будучи в возрасте от 24 до 32 лет, и в «нормальной» обстановке сдавал ее следующему *ндугу*, который становился *мфальме*, а сам переходил к «частной жизни». Но продление положения *мфальме* до статуса 40–48 лет, статуса старших социально активных мужчин-организаторов социальной жизни этноса, не могло не выделять *мфальме*, и в этом положении он оказывался и их главой. Это «выделение» само по себе не давало *мфальме* никаких преимуществ, так как областью его правовой деятельности была война, а в обсуждении мирных дел он оказывался «равным среди равных». Но значительные сдвиги в экономической сфере могли существенно изменить такое положение. Накопление экономически значимых ценностей и их выделение из общезнатического достояния как «ограниченных» владений, в архаической системе права могло происходить тем же путем, как и выделение права «династийной группы» на ту или иную социально важную должность, т. е. в связи с родством физиологическим по норме «триад». Другими словами, первые шаги по отделению «особой» собственности от общезнатической должны были



с закономерной неизбежностью разделить и весь этнос на разноправные, но не стативные в этом положении, сегменты. Должно было появиться множество «правовых стволов», системой «триад» защищающих свое право владения «выделившихся» ценностей, столько же групп их физиологических родственников «вне права» (возможно, также организующихся в «триады» наиболее близких к высшим и имеющих свое «окружение» из не вошедших в «триады») и людей, физиологически не связанных с высшим их «окружением», но «родственных по традиции социального родства». Эта имущественная социально-правовая система конца переходного и начала раннеклассового периодов истории была как бы «порождающей саму себя постоянно». Принцип ее функционирования в языке суахили передается словом *уджамаа*, конкретные «организмы», отвлеченно — *джамаа*, а конкретно (в человеческом наполнении *кабия я ...* или *вакабия ва...*, члены одного сегмента системы-*джамии*, а соотносительно: *вакуу* или *веньи* ‘старшие, имущие’, *ватото ва вату* ‘дети людей, «благородные»’ и *вату* — просто ‘люди’. Так в нарождающемся имущественно-сословном делении суахилийского общества «фокус» приложения социальной деятельности *мфальме* переместился из сферы войны в сферу организации социально-имущественного права, т. е. «главными» в отпавлении должности стали годы его правления от 40 до 48 лет его социального возраста. Вот это обстоятельство и решило исход борьбы двух сторон правовой традиции в пользу нормализации пожизненного права на титул — общество не только не противилось этому, но уже и не могло обходиться без такой нормы, поскольку «самопроизвольно» длительное правление *мфальме* по старой традиции возникало только периодически, и, следовательно, интересы имущих могли иногда оставаться без реальной защиты. Норма пожизненного правления *мфальме* (с сохранением «триады») такие положения исключала. Общесоциальное значение этого нововведения заключалось в том, что оно ставило преграду «внедрению» в трехчленный правовой идущий «ствол» не только правителей, но и любой *джамаа*, лиц, не связанных с ним физиологическим родством, вследствие исчезновения в правовой схеме «триады» «пустующих ячеек».

Утверждение пожизненного правления *мфальме* переводит эволюцию трехчленной правовой нормы в третий этап. От архаической традиции теперь остается только «триада» последовательно рожденных братьев-*ндугу*, часто перебиваемая «триадой» физиологических братьев, и обязанность иметь «главной женой» сестру-*ндугу*, т. е. женщину из числа дочерей (уже не только трех) старшей «триады». В этих условиях брак-ритуал не может совпадать с моментом принятия сана и, следовательно, не знаменует передачи титула. Эту роль объективно начинает выполнять ритуал захоронения умершего правителя. Распространение ислама в Восточной Африке препятствовало превращению похорон *мфальме* в пышный и

длительный обряд, хотя, видимо, в домусульманское время так и было. В известной мере об этом свидетельствуют древние каменные надгробия — менгиры, которые суахилийцы называют «могилами *ширази*» и относят к древности (*замани за шанга*). Вытеснение брачного ритуала с позиции обряда передачи титула обозначило и оттеснение на дальний план правовой линии «триады» женщин-жен *мфальме*, да и норма женской «триады» оказалась фактически разрушенной. «Победила» линия права мужской «триады». Собственно, четкая «триада» также постепенно разрушилась, но наследование «от брата к брату» сохранилось в суахилийском обществе вплоть до колониального раздела Восточной Африки, а, может быть, и несколько дольше.

Последнего этапа в развитии норм архаического права суахилийское общество так и не достигло, т. е. не произошло разрушения трехчленной системы и образования экзогамного генеалогического линейно-правового организма с мужским правом владения и наследования обособленного родового имущества. Этому препятствовало не только медленное развитие производительных сил, связанное с экологической невозможностью установления частной собственности на землю, но и постепенное ослабление главного фактора экономического развития суахилийского общества — участия в морской торговле северного района Индийского океана, которая была сильно подорвана португальцами и почти окончательно уничтожена пришедшими к ним на смену французами, англичанами, американцами под предлогом борьбы с работорговлей.

Установить время появления на восточном побережье Африки трехчленной правовой нормы невозможно, но, во всяком случае, это произошло задолго до начала XIII века, указанного в легендарной части «Хроники Пате». Можно предположить, что развитие первично-политических отношений, возвысивших вождя охотничьих отрядов молодежи до положения верховного вождя, могло совпадать со временем интенсификации заморской торговли побережья в связи с формированием ареала мусульманской культуры, т. е. отнести к VIII–IX–X векам. Конец же, а точнее, захирение этой правовой традиции падает на XVIII–XIX века.

Вторую задачу — установить стадиальное место суахилийского общества отмеченного периода в истории общечеловеческого процесса социального развития — можно только путем поисков аналогичных явлений в других обществах, явлений «ортодоксального» (т. е. не нарушенного мощным внешним воздействием) периода их истории на этапе перехода от доклассового состояния к раннеклассовому. В этом смысле первостепенное значение имеют не следы трехчленной правовой системы у народов самой Африки, хотя они и существуют, а таковые у народов средневековой Западной Европы. Оснований для этого несколько. Прежде всего — это то, что ранее средневековье Европы более изучено, чем аналогичный период ис-

тории Африки южнее Сахары, и, следовательно, сложилось более или менее удовлетворительное представление о культуре, социальной и политической жизни, хозяйстве, ремесленном производстве и торговле народов, населявших в это время Европу. Сравнивая однозначные правовые явления Африки и Европы, можно получить обоснованное представление, хотя бы «обобщенное», о развитости аналогичных аспектов жизнедеятельности средневековых суахили, т. е. о том, о чем у нас слишком мало сведений. Далее, сравнивая Африку и Европу, можно определить соотношение однозначных стадийальных состояний общества по шкале абсолютного времени, т. е. установить меру отставания или опережения в развитии.

И, наконец, сравнение Африки и Европы в таком важном аспекте, как развитие норм социального права по мере перехода к классовому обществу, значимо и потому, что именно в Западной Европе сложился антинаучный миф о расовой, т. е. «прирожденной», неспособности африканцев к самостоятельному развитию, миф, который, в более тонких формах, по существу, бытует и сейчас. Все это и заставляет в первую очередь обратиться к западноевропейской «исторической мифологии», точнее — к европейской эпической литературе.

Первые записи сказаний о героях относятся, как считают специалисты, к концу X века («Беовульф» — около 1000 года), но основная масса падает на XIII век. Устные их варианты, в основном, возводят к VIII–IX векам, а иногда предполагают и более раннее существование. Эти определения сомнений не вызывают хотя бы уже потому, что почти вся «именная» персонализация легендарна и не идентифицируется с историческим именным материалом. Исключение составляют 2–3 имени: Ермунрек — предводитель готского воинства, Херманарих — ост-готский вождь (король), Теодорих и Атли (Этцель) — предводитель гуннов, воинства нижневожского народа «итиль», известный в истории под именем Атиллы, царя гуннов. Время деятельности этих военных вождей располагается между 376 и 526 гг. н.э., т. е. отделено от предполагаемого времени сложения устных героических сказаний не менее чем сотнями лет. В героическом эпосе и эти персонажи не менее легендарны, чем те, имена которых заимствованы из традиций, не вошедших в материалы по ранней истории Европы.

Произведения героического эпоса Северной и Западной Европы с позиций литературоведения, текстологии, лингвистики и истории культуры, видимо, изучены достаточно хорошо (во всяком случае, имеется обширная литература), но этноисторическому анализу почти не подвергались, если не считать обычных комментариев, объясняющих малопонятные места текста «обычаями жертвоприношений», «сакральными мотивами» и тех, которые способны «объяснить» что-либо только читателю, совершенно незнакомому с более или менее широкой этнографической литературой. Следует отметить, что появлению подобных «объяснений» способствова-

ло ранее и способствует до сих пор упорно держащееся представление, согласно которому линейный генеалогический род с правом наследования от отца к старшему сыну считается «изначальным», т. е. сложившимся в «первобытное время» и унаследованным (в нормах права) раннеклассовым обществом Европы от ее доклассового общества. Кроме того, даже этнографы обычно считают, что и доклассовая Европа не знала классификационной (с групповым значением терминов родства) системы родственных связей и отношений, что европейцам всегда было свойственно индивидуальное физиологическое родство. Господство этих убеждений, наряду с «однозначным» переводом терминов родства, не только создавали в тексте эпических произведений «непонятные ситуации», впечатление «избыточности» в поведении героев, литературную совмещенность сюжетов и т.д., но и полностью зачеркивали исключительную ценность героического эпоса как источника для изучения этнической и социальной истории Европы переходного и раннеклассового периодов.

Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на присутствие в эпосе «триад» братьев, упоминаний о «кровосмесительных» браках брата и сестры, отца и дочери, обратить внимание на «бессмысленные» убийства или на неизбежную, осознаваемую им, гибель героя. Но «распутывать» логику эпических ситуаций не так-то просто, и прежде всего из-за того, что записи «Песен» — это уже литературные произведения XI–XIII веков, где архаические правовые легенды «спрессованы» вследствие организации сюжетных повествований вокруг традиционных имен прецедентных легенд устного времени.

Не легче понять и их фантастический элемент (драконы, змеи, великаны, карлики) или «сакральный» (асы, ваны, валькирии, норны, альбы). Можно предположить три «жизни» (или три стадии развития) архаических социально-правовых прецедентных легенд Северной и Западной Европы. Их наиболее древний слой, функционировавший в доклассовом обществе, почти полностью «разрушенный» в переходный период, попал в записи в качестве своеобразного «доказательства» истинности правовых легенд-прецедентов переходного времени, доказательства ссылкой на фантастически отдаленное время (борьба героя со змеем, драконом, чудовищем, великанами), происхождение героя от асов или валькирий, жены-валькирии, великанши, хотя социальное содержание этих легенд о «предках» было непонятным уже обществу переходного периода (бессмертие асов, ванов, валькирий, их способность «перевоплощения» и др.). В третий период — литературный (христианский) — этот слой был отнесен к «языческой религии», каковым он числится и у современных исследователей.

Второй слой эпика — собственно социально-правовые легенды, прецеденты переходного времени. Их литературные записи и обработки были сделаны для такого же «подтверждения ссылкой на связь с древностью»,

но уже прав высших слоев феодального общества, несмотря на полное несходство «правовых прецедентов» с юридическими номами феодализма. Видимо, «подкупающим» моментом был «героизм предков», «оправдывавший» специальные привилегии феодальной знати. Кое-что исчезло под воздействием христианских моральных догм, например, многоженство конунгов. Кое-что могло и «прибавиться» — могучий зверь древних легенд мог стать драконом (змеем-драконом святого Георгия, который и сам восходит к античному мифу о Персее), появились «персонификации» на базе исторических имен.

В связи с отмеченной эволюцией социальной роли «героических» легенд удобнее извлекать следы архаического права по «темам».

### ТРИ БРАТА («триады»)

**«ПЕСНЬ О ВЕЛУНДЕ»:** Жили три брата, сыновья конунга финнов, — одного звали Слагфид, другого Эгиль, третьего Велунд... увидели они трех женщин, которые пряли лен, а около них лежали их лебяжьи одежды, — это были валькирии: ... Хладгуд Лебяжье-Белая, Хервер Чудесная, а третья была Эльрун... Братья увели их с собой: Эгиль взял в жены Эльрун, Слагфид — Лебяжье-Белую, а Велунд — Чудесную. Так жили они семь зим...».

Это — выдержки из своеобразной «вставки» в прозаическое начало «Песни», до которой стоят слова начала: «Жил конунг в Свитьоде, звали его Нидуд. Двое сыновей у него было и дочь по имени Бедвильд».

Из этого следует, что «Песнь о Велунде и Нидуде» создана как «легенда — социально-правовой прецедент» не в связи с «идеальной нормой» (три брата), а для ее варианта — «два брата и сестра». «Вставка» же о Велунде и его братьях — это своеобразная отсылка к исходной, «идеальной» норме. Она сильно «спрессована», здесь не только три брата и их жены, но и три конунга-отца: отец братьев, «конунг финнов», отцы сестер-валькирий: конунг Хледвер (-двоих) и Кьяр из Валланда (-одной); далее — «семь зим», после которых жены-валькирии покинули своих мужей, что «отражает» время одного возрастного статуса (8 лет), а также и то, что «жены-валькирии» — не реальные, а «обещанные», получаемые после того, как их «найдут», совершив положенные подвиги.

Велунд не пошел искать свою «улетевшую» Хервер, а остался ждать ее возвращения. Его «подвиг» был «заложен» в его искусстве кузнеца, он был *альб* — кузнец-колдун (в «Песне» — волшебник-ювелир). Конунг Нидуд пленил Велунда и заставил его работать на себя. Он взял его меч, а одно из золотых колец, которое Велунд предназначал жене-валькирии, подарил своей дочери, Бедвильд. Хитростью и «колдовством» Велунд убил двух сыновей конунга и стал мужем его дочери, а следовательно — и преемни-

ком конунга Нидуда. Вывод предельно прост — третьим «братом» в «триаде» должен стать муж дочери конунга, т. е. «побратим». Убийство Велундом своих «побратимов» относится уже в другой «теме», к развитию идеи пожизненного «правления».

**«ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ, СЫНЕ ХЬЕРВАРДА»:** «Конунга звали Хьервард. Было у него четыре жены. Одну звали Альвхильд, сын их звался Хедив. Другую звали Серейд, сын их прозывался Хумлунг. Третья была Синраид, у них был сын Хюмлинг. Конунг Хьервард дал обет жениться на самой красивой женщине... конунга Свафнира дочь... Сигрлин». Здесь также есть «вставка», но уже о «триаде» женщин и их сыновьях. Примечательно, что учитываются по одному сыну каждой — три брата. Правовой смысл «вставки» выглядит для Европы несколько неожиданным: «хранильницы права мужчин — женщины, их матери. Ясно также, что эти три «последовательные» жены конунга обеспечили ему три статусных времени в каком-то социально-значимом сане, и он захотел продлить это, женившись на четвертой женщине. Сначала ему отказали, но потом он добился своего. Так у Хьерварда родился от четвертой жены Сигрлин четвертый сын. «Он был молчалив, у него не было «имени». Имя Хельги четвертый сын Хьерварда получил позже, от валькирии (Свава, дочь конунга Эйлими). Хельги совершил много подвигов, посватался к Сваве и получил ее в жены. По тексту «Песни» выясняется, что Хедин, старший из трех братьев Хельги, «дал обет» жениться на Сваве. Конунг изгнал Хедина, а Хельги получил смертельную рану в битве. «Песнь» завершается словами: «Говорят, что Хельги и Свава вновь родились».

Социально-правовая суть этой части «Песни о Хельги» — сложная, она, прежде всего, касается правового положения четвертого сына, человека без имени, далее — его старшего брата (первого в триаде). Ясно, что четвертый сын оказывается без прав в системе своего отца-конунга, он не входит в «триаду» наследников. Но и первый представитель «триады» также лишается своих прав: его «ритуальная жена» — это четвертая жена отца-конунга, Сигрлин, мать Хельги. Есть еще одна «Песнь о Хельги», «Песнь о Хельги, убийце Хундинга». Там он представлен как сын конунга Сигмунда, сына Вельсунга. Имя он получил «в честь Хельги, сына Хьерварда», но наличие в «Песне» Сигрун, дочери конунга Хегни, возродившей валькирии Свавы, позволяет предположить «возрождение» Хельги, т. е. построение другой правовой легенды «на том же имени». Смысл правовой легенды-прецедента — что происходит с «Хельги — четвертым сыном», если он не гибнет в битвах. Здесь также есть «триада» — сыновья конунга Гранмара: Хьедбродд, Гудмунд и Старкад. Сигрун, дочь Хегни, была обещана в жены Хьедбродду, но она «полюбила» Хельги. У Хегни, кроме нее, были два сына: Браги и Даг. Сигрун, став женой Хельги (против воли родственников), фактически сделала Хельги «старшим братом» своих двух



братьев. Сложность роли Хельги в этой «Песне» заключается еще и в том, что он представляет здесь не только «Хельги — четвертого сына», но и «Хедина — первого сына», лишённого прав (по другим «Песням», их отец, конунг Сигмунд, имел сына, Синфьетли, от дочери, т. е. от 4-й жены).

В этой «Песне» Синфьетли и Хельги — два лица (братья), но второй — Хельги — ведет себя как «лишённый прав», т. е. берет в жены валькирию Сигрун, невесту Хьедбродда. В грандиозной битве между родственниками Хьедбродда (и Сигрун), и «братьями» (Хельги и Синфьетли) победа на стороне Хельги, но из родственников Сигрун остается в живых только младший брат, Даг, который позже убивает Хельги. Сигрун умерла от печали. Характерно, что и в конце этой «Песни» утверждается о повторном «возрождении» Хельги и Сигрун.

Любопытно и сообщение о смерти Синфьетли. Из него вытекает еще большая сложность: здесь также есть «вставка» — «триада», по которой Синфьетли числится старшим сыном Сигмунда; вторым был Хельги, а третьим — Хамунд. По предыдущей «Песне», Хельги был сыном Сигмунда и Боргхильд (ее старшим сыном), но здесь она называет Синфьетли «пасынком». На первый взгляд, получается, что Боргхильд — вторая жена Сигмунда, но это не так, дело намного сложнее. «Пасынок» Синфьетли — старший социальный сын Сигмунда, он — физиологически сын отца Сигмунда, Велсунга и Сигню, его старшей дочери (= 3-й жены), т. е. по трехчленной системе Синфьетли приходился внуком физиологическому отцу, и сыном старшему брату Сигмунду, подобно тому, как Хельги — сын Хьерварда от четвертой жены, Сигрлин — был не только «четвертым сыном», но и вторым внуком Хьерварда (и не имел «имени»). «Триада»: «пасынок» Синфьетли, Хельги и Хамунд, прежде всего, след некогда существовавшей социальной нормы включать в состав «триады» «братьев» не «по крови», а по социальному возрасту или порядку рождения от старшей «триады». Далее, в системе многократных женитьб старшего конунга, его четвертый и пятый сыновья (дети 3-й и 4-й жен) либо «уходят искать битв, подвигов и своих валькирий», либо (при каких-то обстоятельствах) «теснят» внуков его и становятся «пасынками» сыновей и их жен. Именно здесь, на «пересечении» социально-возрастных и физиологических значений одних и тех же терминов родства, и создается у «последующих поколений» представление о «кровосмесительных грехах» предков, поскольку 2-я жена «конунга» по социально-возрастному родству неизбежно была его «сестрой», а 3-я и 4-я — «дочерьми» (в определенных случаях — и физиологическими). Таким образом, в приведенных отрывках из «Песен» обнаруживаются и еще две «темы»: СПОСОБ «ПРОДЛЕНИЯ» ВРЕМЕНИ КОНУНГА и ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ СЫНОВЬЯ КОНУНГА.

Убийство Хельги Дагом, братом жены, и отравление Синфьетли социальной матерью Боргхильд, связаны с четвертой «темой»: АКТИВНЫЕ

ФОРМЫ БОРЬБЫ НОВОГО И СТАРОГО, т. е. с «неизбежными действиями» людей в условиях внутреннего противоречия сосуществующих систем социально-возрастного родства и родства физиологического. Брат жены убивает ее мужа из-за того, что тот (став его социальным братом-«побратимом») может жениться и вытеснить его (парадокс!) из трехчленной социально-возрастной схемы права. Социальная мать убивает «пасынка» — социального сына из боязни вытеснения из правовой схемы ее физиологических детей. По несколько иным причинам Велунд убил двух братьев своей жены Бедвильд — он не только предупредил свою смерть от их рук, но и «удлинил свое время».

В песне «О смерти Синфьетли» появляется герой эпических сказаний Северной Европы, вокруг имени которого, вероятно, делались попытки «связать» в одну «систему» максимум социально-правовых легенд-прецедентов. Сообщается, что конунг Сигмунд женился еще раз на Хьердис, дочери конунга Эйлими, и у них родился сын — Сигурд. После гибели Сигмунда в битве Хьердис вышла замуж за Альва — сына конунга Хьяльпрека, где и воспитывался Сигурд. У Хьердис был брат Грипир (мудрейший из конунгов, умевший предсказывать будущее). Так в европейской эпике появляется «брат матери» (дядя с материнской стороны) — «персона» частая, малопонятная, но всегда очень значимая в этнографических записях по народам доколониальной Африки (да и более широко).

Сам же Сигурд — персона необычайно сложная. С одной стороны, он, как и Хельги — сын Хьерварда, «не имеет имени», т. е. «четвертый сын» Сигмунда (от Хьердис), иначе говоря (по социально-возрастной триаде) — старший социальный внук своего отца, Сигмунда. Но поэтому, с другой стороны, он социальный сын «пасынка» — Синфьетли (4-го физиологического сына Вельсунга и его дочери Сигню). Следствием столь сложной «комбинации» оказывается положение Сигурда (4-го сына Сигмунда) в качестве старшего в «триаде» социальных (и физиологических) внуков Сигмунда, «пасынка» его сыновей. Дополнительную сложность придают матери (на «перекрещивании» социально-возрастной «триады» и физиологического родства). Третьи и четвертые жены «конунгов» — 1-е и 2-е женщины триады их детей, т. е. их дочери, а сыновья (физиологические) этих женщин — члены их же триады, их одновозрастные социальные братья (братья-«сверстники») и «пасынки» своих физиологических отцов, т. е. «побратимы» детей от старшей (первой, законной жены-сестры конунга). В этой двойственности «персоны» Сигурда кроется своеобразная «необходимость» двойственности его жены: как жена «четвертого сына», она должна быть «валькирией» (т. е. не принадлежать к его «династийному стволу»), но, как жена старшего в триаде сыновей «конунга», она должна быть второй сестрой в этой триаде, где он — «побратим». Противоречий оказывается слишком мно-

го, но выход находится в том, что Сигурд — социальный брат-«сверстник» своей физиологической матери — «двойника» второй (принципиально «допустимой» жены «конунга» — младшей в «триаде» сестер) жены физиологического отца. А это «переносит» Сигурда в позицию хотя и «лишнего», но члена отцовской триады, т. е. имеющего право, совершив надлежащие «подвиги», получить жену из чужой триады, старшую дочь конунга, который придерживается более архаичной нормы и не желает иметь третью жену (свою старшую физиологическую дочь).

Именно так и строится «Пророчество Грипира», пророчество дяди по матери Сигурда. «Сначала отомстишь ты, князь, — за отца, за горький конец конунга Эйлими; сыновей ты сразишь конунга Хундинга... Один ты убьешь свирепого змея... Регина с Фафниром ты победишь... Фафнира логово ты отыщешь, сокровище в нем большое добудешь... к Гьюки отправишься... Спит на горе конунга дочь, в доспехах она по смерти Хельги... вымолвит слово от сна пробуждаясь... Научит тебя рунам мудрым... ты посетишь Хеймира дом... Есть дева у Хеймира, ликом прекрасная, Брюнхильд ее люди зовут... забросишь труды, забудешь людей, сна лишишься, с ней не встречаясь... едва у Гьюки ночь погостишь, сразу забудешь прекрасную деву... горе узнаешь от козней Гримхильд; дочь ее, дева светловолосая, будет тебе в жены предложена... Гуннара я родичем стану? Деву Гундрун в жены возьму?.. Все вы друг другу клятвы дадите, — Гуннар и Хегни, и третьим ты, Сигурд ...с Гудрун станешь счастливо жить, а Брюнхильд замужество горьким покажется, она за обман искать будет мести... братья твоими убийцами будут...».

Прежде всего следует учесть, что эти отрывки взяты из героической песни записанной в XII–XIII столетии, а, следовательно, такие «мотивы», как измена клятве, месть за обман, чьи-либо козни, — не более, как поздние «объяснения» уже непонятных причин и отношений («темных мест») в древней традиции социально-правовых устных легенд. Далее, судя по песням героической эпике, в архаической Европе пророчества, раскрытие тайн и т. п. — было либо свойством асов, валькирий, альбов, дис и т. д., либо это делали умирающие люди или их призраки. Грипир, брат Хьердис, матери Сигурда, — конунг и человек; следовательно, Сигурд, по сути дела, беседует с его призраком, который и «раскрывает» всю будущую жизнь Сигурда, т. е. «обязует» его поступать так, а не иначе. Однако, чтобы разобраться во всем этом, необходимо попытаться логически реконструировать «исходную схему соотношений», опираясь и на данные европейской героической эпике, и на весь другой материал, относящийся к системе социального родства возрастных групп архаического общества. Начать следует, видимо, с двух «моментов»: с «возрождений» Хельги и его жены-валькирии; и с того, что последняя форма собственно архаическая, т. е. в доклассовом обществе система социально-возрастно-

го родства содержала в одном социальном поколении («колене») 4 женских социально-правовых возрастных статуса («версты») и 5 мужских статусов. Это делает понятным, если учитывать, что мужчины-«дети» получали «тотемическое имя» своих социальных отцов, почему Хельги «возрождается» несколько раз как «Хельги», а его жены — под разными именами: Свава, Сигрун, Кара (и, в сущности, Сигдрива, спящая пророчица Сигурда, валькирия), — при строгой эпигамии браков, когда в «колене» 5 мужских и 4 женских возрастных группы, мужчины 5-й группы вступают в брак с социальными дочерьми женщин 1-й женской группы (т. е. — с имеющими то же «тотемическое имя»), а мужчины 1-го младшего «колена» — с женщинами 2-го младшего «колена» и т. д.

Таким образом, получалось, что социальные отцы, дети, внуки и т. д. (носившие одно «тотемическое имя», например, условно — «Хельги») имели жен с «тотемическими именами» всех четырех женских групп последовательно (например, условно: «Хельги» 1 = «Свава», «Хельги» 2 = «Сигрун», «Хельги» 3 = «Кара» и т. д.). Но сразу же следует сказать, что поиск «тотемических имен» во всей массе имен героических песен чрезвычайно затруднен вследствие уже иного их употребления, как имен собственных литературных героев, а родство соотнесено или с «триадами», или с нормами генеалогического линейного мужского рода, т. е. с нормами родства в феодальном обществе. Кроме того, архаическая социально-возрастная группа (любая — и мужская, и женская) могла содержать помимо общего «тотемического имени» еще восемь таковых для каждой годичной «верстки», и они также могли попасть в героический эпос наравне с другими. Так, например, в отличие от Хельги, Сигурд в «предшествующих рождениях» был Сигмунд, Вельсунг и даже — Один. Возможно также и использование в песнях «тотемических имен», точнее, вариаций, характерных для соответствующих этнических материалов. Следовательно, не остается другого пути для реконструкции «исходной», т. е. собственно архаической, модели социально-возрастного эпигамно-брачного родства древних европейцев, как предварительно в качестве равнозначных «вариантов» собрать в «группы» соответственные имена, зафиксированные героическим эпосом. Главное правило будет заключаться в том, что любое имя из соответствующей «колонки» (имеющее тот же номер и пол) равнозначно любому другому в той же «колонке» и условно передает «тотемическое имя», общее для всей «колонки». И женские «колонки» имен, и мужские, каждая совокупно, будут передавать линии социального родства (от «матерей» к «дочерям» или от «отцов» к «сыновьям»), поскольку «тотемическое имя» есть имя-символ не одного человека, а имя группы социально-одновозрастных.

Это правило вызвано не только указанной «спецификой» имен, как они использованы в эпосе, но и особенностью «маркировки» социально-воз-

растных групп (а, соответственно, и составляющих их индивидов) обязательно по двум линиям социального родства (по линии «отцов» и «матерей»), что неизбежно при сложившемся к концу архаической формации разном числе возрастных статусов у мужчин (5) и у женщин (4). Эта норма двойного «тотемического имени» была обнаружена Демпвольфом у народов Восточной Африки, но как-то не привлекала к себе должного внимания. Суть ее состоит в том, что мужчина «наследует» одно («главное») имя от отца и передает его сыну, а второе — от матери, и не передает; женщина, соответственно, «главное» имя получает от матери и передает дочери, а второе — от отца, и не передает никому. Сейчас уже совершенно ясно, что эта норма социально-родственной «маркировки» касается не индивидуальных имен, а групповых, «тотемических», и распространена она не только в Восточной Африке, но почти на всей материке и много шире. Сложность распознавания ее (или ее следов) кроется в том, что это имена «тайные» («лесные» и т. п.), и существуют разнообразные сокращенные «формулы». В этнографических работах всему этому не придают значения и фиксируют обычно случайно, что и дает возможность иногда обнаружить «след». В европейской героической эпике, также только случайно, одновременно упоминаются имена отца и матери (чаще — в разных местах), но это — важнейшая опора для реконструкции архаической системы социального родства возрастных групп. Принцип реконструкции будет опираться на внимательный анализ прозаических сообщений к Песням «О Велунде» и «О Хельги, сыне Хьерварда» с привлечением сообщений из других Песен.

Как уже было упомянуто, «жены-валькирии» Велунда и его братьев прожили с ними семь зим. На восьмую они заскучали, а на девятую — улетели. Это можно, хотя бы условно, счесть за 8-летнюю норму пребывания в одном социально-возрастном статусе. Если допустить, что социально-активный возраст (как у галла Восточной Африки) кончался в 48 лет у мужчин, то социально-возрастных статусов («верст») получится 5. Это не расходится и с сообщением о четырех женах конунга Хьерварда, ибо он должен быть на один статус старше старшей из них, т. е. он как-то «обошел» в праве брака троих своих младших «братьев» (четвертый «одновозрастной брат» первой жены). Но в сообщениях есть упоминание, что четвертый брак конунга встретил некоторые препятствия, а это осложняет «схему». Видимо, у Хьерварда был старший «брат», а не второй. В таком случае Сигрлин — не «сестра» трем женам конунга, а их старшая социальная «дочь», т. е. «дочь» его старшего «брата». От четырех жен конунг имел четырех сыновей: Хедина, Хумлунга, Хюмлинка и Хельги. Каждый из них был сыном своей матери, соответственно: Альвхильд, Серейд, Синраид и Сигрлин. Если «забыть» о существовании конунга Хьерварда, то перед

нами окажется максимально лаконичная запись еще более древней нормы — 4 женских и 4 мужских «имени» в пределах «колена», поскольку как «главные имена» женщины получали «имена матерей», а мужчины — «имена отцов». Иначе говоря, схема «колена» тогда состояла бы из четырех возрастных «верст», в которых располагались бы «одновозрастные братья-сестры» с «именами» Альвхильд-Хедин, Серейд-Хумлунг, Синраид-Хюмлинг, Сигрлин-Хельги. Эти же «имена» носили бы их потомки или предки (социальные).

Говорить подробно, как возникает пятое «мужское имя», здесь нет возможности, но главная причина, вероятнее всего, кроется в появлении такой сферы деятельности, как война. Появился социально-возрастной статус «воина», т. е. «расхождение» в возрасте 16 лет, когда юноши «уходят» на 8 лет обучаться владению оружием. Их «одновозрастные сестры» (16 лет) выходят замуж, а они женятся только через 8 лет, т. е. в 24 года, на «младших сестрах», которым в это время исполняется 16 лет. Так «сбивается» именное соответствие мужчин и их жен. Например, если «сын» Хедина и Серейд сохраняет «имя отца» — Хедин, то его женой будет уже Синраид и т. д., но «сестра» будет Серейд. Здесь и появляется пятое (а точнее, первое) «имя» — Хьервард. Но и оно в записи оказывается не первым, а вторым, т. к. четвертый брак Хьерварда вроде бы не совсем «законный» — жена из «колена детей». Однако, обстоятельства еще сложнее. Брак-то законный, но не для Хьерварда, а для «носителя» пятого имени в том же «колене», ибо практически эпигамные браки непрерывной «цепочкой» связывали мужчин одной возрастной группы с женщинами смежной младшей, и т. д. «до бесконечности». А соотношение «колен» «детей» и «родителей» определялись ритуалом передачи «набора» (5 и 4) тотемических знаков и «имен». Получалось, что в терминах родства (социальных, а не физиологических, групповых = «классификационных») мужчины из пятой (последней) «версты» каждого «колена» брали в жены своих (т. е. своего «колена») старших «дочерей». «Перерасчет» начинается с того, что Хьервард (который мог «породить» только Хьерварда, как «сына») «становится» «отцом» Хедина. Это и есть изменение «преимущественного счета родства» («сын» Альвхильд стал «сыном» ее мужа, Хьерварда), что делает четвертого «сына» Хьерварда пятым, «мать» его — Сигрлин, «переходит» в младшее «колено» и «требует» для нее «одновозрастного брата», «одновозрастную сестру» Хьерварду и ему же смежных старших «брата-сестру». Так складывается схема (см. рис. 1).

Найти того, кто должен стоять в схеме перед Хьервардом (или перед Хедином), на первый взгляд, просто невозможно. Однако «следы» все же есть. Сигрлин — это «мать» Хельги, героя древнего и очень почитавшегося во время записи Песен. По своим качествам и подвигам Хельги — «по-



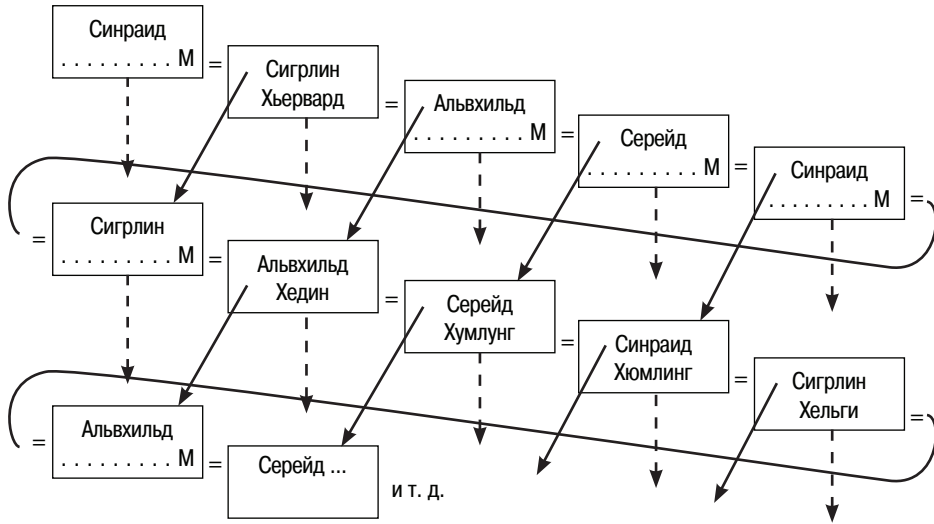


Рис. 1

лубог», а следовательно, и его «мать» равна валькириям. А валькирии в Песнях имеют «сложную» характеристику — они называются иногда дочерьми конунгов («имя рек»), но одновременно — они дочери Одина, т. е. аса. Это ясно и из приведенной схемы, если ее продолжить до конца третьего «колена». Тогда Сигрлин будет «дочерью» «конунга» Хюмлинга и Сигрлин из старшего «колена», а первая Сигрлин из того же «колена» (ее «мать» по старой, четырехсегментной схеме) — несомненно, «дочь» Одина. Таким образом, находится достаточно оснований счесть Одина первой «персоной» в мужской пятисегментной схеме. Так оказываются «извлеченными» начальные «имена» четырех женских и пяти мужских «колонок», совокупно передающих соответствующие «тотемические имена» архаических европейцев: Альвхильд, Серейд, Синраид, Сигрлин и Один, Хедин, Хумлунг, Хюмлинг, Хельги (конунг Хьервард здесь — позднее «вставное» имя по «формуле»: «конунг и его сыновья»). Далее, почти таким же образом, после внимательных сопоставлений, определились и другие «имена» в «колонок» (см. рис. 2).

Некоторая «неполнота» «колонок» — следствие специфики и самих имен, и их употреблений при составлении записей Песен. Так, например, имя Хельги — частое, оно как бы «связывает» древние повествования с более поздними.

Один, Вельсунг, Сигмунд и Сигурд составляют «последовательность»: отец, сын и т. д. Эти имена, а также — Эйлими, Грипир, Хундинг и Синфьетли — имена «древних конунгов», почти «полулюбогов», как и Хельги.

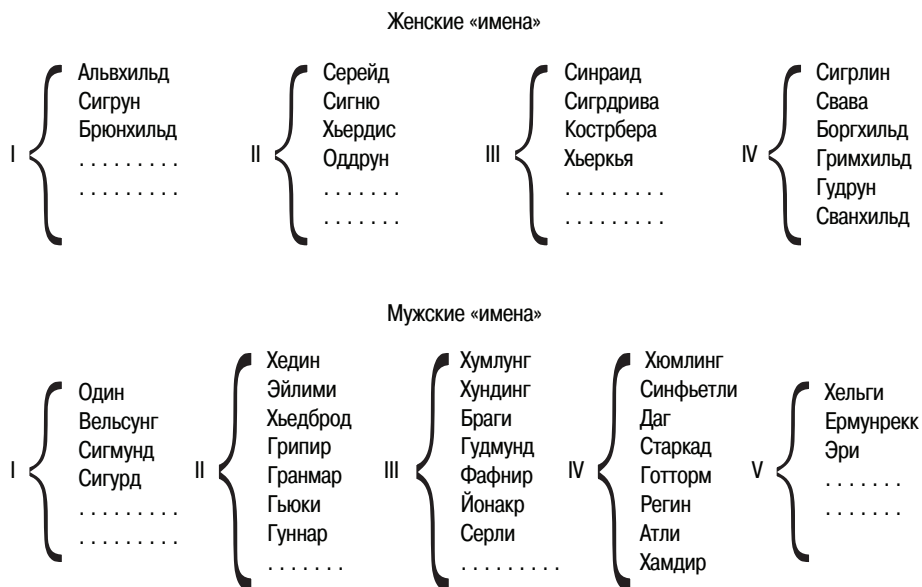


Рис. 2

Фафнир и Регин — имена колдунов-альбов. Остальные — имена конунгов сравнительно близких к обычным людям.

Сигрун, Сигню, Сигрдрива, Свава и Сигрлин — имена валькирий, дочерей Одина. Близки к ним и Брюнхильд и Хьердис, «девы древних времен».

Боргхильд, Гримхильд, Гудрун и Сванхильд — имена героинь, как бы находившихся в «переходе» от «дев древних времен» к обычным людям, особенно Гудрун.

Оддрун, Кострбера и Хьеркья — это просто женщины.

Несколько особняком стоят имена Ярмунрекка и Атли. Как считали авторы героических Песен, а также и исследователи эпоса — это имена лиц исторических: остроготского вождя Херманариха и Атиллы, предводителя гуннского воинства. Но, видимо, Атли — имя исландское, оно встречается в достаточно древних сюжетах с Хельги и Хьервардом, и попадает в «гуннские» сюжеты, возможно, вследствие близости германского звучания (Этцель, Эйтиль) к другому названию гуннов — «народ этиль» (по древнему названию Волги в ее нижнем течении). Сам переход от мотивов скандинавских к южно-германским (бургунды, готы) специалистами часто рассматривается в качестве «подсоединения» поздних Песен к более ранним. Однако, дело, возможно, не в этом. Принцип системы архаического права и «социального» родства был общим, одинаковым у всех народов Северной и Западной Европы, что и позволяло «законно» продолжать

имена одной конкретной «схемы» именами другой, традиционными для другой местности, когда писались эпические литературные произведения.

Что касается реконструированной пятисегментной архаической правовой схемы (на которую как бы «накладывается» схема «триад»), то здесь всю ее приводить нерационально, она (от Хельги «сына Хьерварда» до Эрпа, третьего сына Гудрун) состоит из 20-ти «колен». Достаточно выделить из нее только то, что помогает разобраться в «темных местах» некоторых Песен. Например, Хельги (по 1-й Песне о Хельги, убийце Хундинга) — почему он убивает Хундинга.

Прежде всего, здесь не один Хельги, а несколько одноименных «персон». Таким образом, Хельги допереходного архаического общества — это один из возрастной группы с тотемическим именем «Хельги», социальных сыновей женщин из возрастной группы «Сигрлин». Группа одновозрастных социальных сестер «Хельги», также как и матери, будут «Сигрлин», а эпигамно-обязательные жены — группа младших сестер «Сигрун». Такому Хельги нет никакой необходимости убивать кого-либо из группы «Хундинг». Женами этих «Хельги» в свое время будут женщины из группы «Сигню», а их сыновей — «Сигрдрива» и т. д.

Но вот в таком обществе начинает складываться надэтнический социальный институт военных вождей — *конунгов*. Со временем общество замечает, что столь необходимые (и конунгу, и обществу) магические качества (рост, сила, выносливость, смелость и т. д.) довольно часто «наследуются», т. е. повторяются у физиологических потомков. Общество «требует» избрания (в пределах традиционной пятисегментной возрастной системы) *конунгов* из лиц, находящихся в физиологическом родстве. С такого момента начинается «историческая трагедия», ибо таких сыновей *конунга* в социальном времени активного «полноправия» (от 24 до 40 лет) «укладывается» только трое, а четвертый и пятый (по пятисегментной традиции) не могут наследовать. Далее еще сложнее: если вначале власть передается последовательно трем родным или двоюродным братьям, а затем также трем их сыновьям (родным или двоюродным братьям), то впоследствии ее наследуют только 3 физиологических сына каждого *конунга*. Возникают «правовые двойники» — конфликт, который можно разрешить только смертью «лишних». Пример: Хельги, социальный сын «Хельги» и «Сигрлин» (пятая М и четвертая Ж возрастные группы старшего «колена»), безразлично, чей он физиологический сын — Хьерварда или другого *конунга*, — не может быть избран *конунгом*, он не входит в «триаду» (5-я группа младшего «колена»). Тогда 15-летний Хельги убивает Хундинга (последний в пятичленной системе — последнего в трехчленной, Хундингу 31 год). Помогает Хельги валькирия Сигрун. Авторы Песни «путают» этого Хельги с другим (из-за того же имени) и нескольких Сигрун.

Но «распутать» можно. Если Сигрун — валькирия, то она — мать этого Хельги, дочь Одина, точнее, она была до 32 лет дочерью конунга Вельсунга, который после своих 48 лет «оставил» это имя (завершил социально-активную жизнь) и стал «предком» — асом Одним. Схему преобразования Вельсунга в Одина можно сравнить с древнеегипетской: живой фараон Гор — сын бога Осириса, мертвый — становится богом Осирисом и порождает Гора — нового фараона.

Если же Сигрун — эпигамная жена Хельги, то речь может идти либо об отце этого Хельги, либо о Хельги-правнуке, «Убийце Хундинга». Но Сигрун — жена правнука, не может быть дочерью конунга Хегни и невестой Хьедброта, сына Гранмара, ибо этой Сигрун была ее мать, одновозрастная сестра Хьедброта, которого убил Хельги-правнук. Но вот Хельги-внук, убивший конунга Гранмара, мог стать мужем Сигрун, невесты Гранмара и дочери конунга Хегни, и это его убил младший брат Сигрун Даг. Точно такая же «путаница» с валькирией Свавой, дочерью Эйлими и женой «безымянного» Хельги, четвертого сына Хьерварда. Как валькирия, она могла быть только женой того Хельги, который убил Гранмара (вместо Сигрун, по архаической эпигамной схеме), а как дочь Эйлими — одновозрастной сестрой Гранмара и женой Вельсунга. Валькирия Кара могла быть женой Хельги, сына Хельги, убившего Хьедброт и Гудмунда, сыновей Гранмара.

Однако при всей «путанице» в этих Песнях содержится и общий социально-правовой «мотив» — всюду, по сути дела, речь идет о борьбе старой пятисегментной системы с новой трехчленной физиологической. Но вот то, что Хельги в некоторых из перечисленных Песен назван сыном Сигмунда (сына Вельсунга) и Боргхильд, относится уже к борьбе социально-родственного принципа с принципом прямого кровного родства. Синфьетли и Хельги, т. е. 4-й и 5-й «братья», как «одноверстные» с 1-м и 2-м сыновьями конунга Сигмунда и Боргхильд, после того, как Синфьетли убил брата Боргхильд, занимают первые два места в «триаде» сыновей Сигмунда (3-й — Хедин). Этот брат Боргхильд не назван в Песне «О смерти Синфьетли», и понятно, почему: он не ее брат (которого и незачем убивать), а одновозрастный брат ее дочери (тоже Боргхильд), т. е. сын конунга Сигмунда, знаменитый герой устных легенд — Сигурд. Старшая Боргхильд отравила «пасынка» — Синфьетли. Сигурд столь же «многолик», как и Хельги. В «Речах Фафнира», убивая змееподобное чудовище (такого же «змея» в свое время убивал и Сигмунд), он вначале «безымянен», как Хельги — сын Хьерварда, но потом говорит, что он сын Сигмунда и Хьердис, сестры Грипира и дочери Эйлими. Опять та же «путаница»: этот Сигурд — внук Сигурда, убитого Синфьетли; и сын Сигурда и Хьердис — дочери Эйлими. Он — эпигамный муж спящей валькирии Сигрдривы. А его сын — Сигурд, эпигамный муж Гудрун,

дочери Гьюки и Гримхильд. Еще один Сигурд — сын Гудрун, должен был стать мужем Брюнхильд, дочери Гуннара (сына Гьюки) и Брюнхильд. Так же и другой Гуннар, сын первого, должен быть мужем Оддрун, одновозрастной сестры Атли (Брюнхильд же могла быть только одновозрастной сестрой отца этого Атли). Но все эти герои в Песнях и Речах представлены как «однозначные», в том числе и 3-я Гудрун (жена Сигурда, жена Атли, дочь первой и жена Йонакра, правнучка первой). Кроме того, сама Гудрун выступает под именем Сванхильд и создает специфическую для Песен «избыточность» поступков (как это называют специалисты по европейскому эпосу), но, если иметь в виду, что они определялись борьбой двух правовых традиций, то эти поступки не столь «избыточны», а скорее неизбежны в соответствующих ситуациях. Нет там и «нарушений» клятв побратимства — поздние «разъяснения» составителей Песен.

Эту вынужденность поступков героев эпоса легче понять, если учитывать, что ни в устных правовых легендах, ни в литературных вариантах героических Песен нет и никогда не было никакой историографии и даже ее искаженного временем отражения. Все имена там мифические (в том числе и Атли, Ермунрекк, Теодорих), все это (и на всех этапах развития) — только специфическая форма хранения правовых норм архаической и переходного времени традиций, форма, которая и в поздних сюжетах отражала изменения в реальных общественных отношениях. Так, например, можно представить себе, что Гьюки, Гудрун, Гуннар, Брюнхильд, Хегни, Готгорм, Сигурд, Атли, Йонакр, Эрн — люди, некогда (приблизительно в одно время) жившие реально в обществе, где значительные элементы реконструированной системы наследования власти и имущества были действующими нормами. В таком случае, Гьюки, имея правовое место во втором сегменте своего «колена», не мог передать свою собственность даже старшему из своих сыновей — Гуннару, не говоря о младших. Его собственность и социальный статус наследовал кто-либо из его «младших братьев», среди которых могло и не быть его физиологических родственников. Собственность Гьюки могла «рассеяться» и перестать существовать как символ социальной значимости индивида. Стало быть, стремление со стороны Гьюки убить «Фафнира» вынужденно, оно неизбежно. Тогда собственность можно сохранить для дочери, передав ее под защиту ее мужа. Отсюда и ревностное участие зятя, Сигурда, в убийстве «Фафнира» и «Регина» (тех, кто одноправен с Сигурдом, безразлично — по системе «триад» или по архаической).

Убийство Сигурда «побратимами» также логично и неизбежно — он, «чужой», «унаследовал» собственность и положение их отца. Но вдова Гудрун выходит замуж за Атли, и наследство Гьюки оказывается спорным (в Песнях оно названо «сокровищем Нифлунгов или Нибеллунгов»). По

правовой схеме оно принадлежит — точнее, должно принадлежать — не сыновьям Гьюки, а Атли, но фактически находится у Гуннара и Хегни. Опять неизбежно столкновение Атли и братьев. Более того, неизбежна и гибель всех троих. Братья гибнут потому, что право (в «магическом» понимании) не на их стороне, а Атли — вследствие того, что братья, имея некоторую надежду на победу, спрятали «сокровище». Гибель братьев и исчезновение «сокровища» уничтожили социальный престиж Гудрун, низвели ее до положения рабыни Атли, и она убивает (вынуждена убить) и Атли, и своих детей от него, детей рабыни, и сжигает его «усадебку». Отсюда и «демоническое поведение» Гудрун в «Песнях». Это уже в полном смысле слова месть за себя и за своих сыновей. Но не «за братьев», роль братьев для Гудрун была только в том, что, владея «сокровищем», они «делили» с ней и социальный престиж.

Выход из этого социально-правового «тупика» был один — исключить дочерей из правопорядка «триады». Но произойти это могло только вследствие утверждения в новой правовой традиции права пожизненного правления *конунга* в форме, не зависящей от числа его жен. Эти изменения включали две стадии, находившиеся под влиянием двух различных факторов.

Первая стадия — установление преимущественной значимости прямого физиологического родства перед всеми другими его формами, что привело к дискретному «ветвлению» триадного «династийного ствола», т. е. к систематическому выделению трех «новых *конунгов*» (в каждом «колене») со своими «триадами» полноправных потомков, и к образованию линии «майората» — наследования титула и имущества старшим сыном умершего *конунга*.

Вторая стадия — следствие всеобщего «оставления» архаических норм права и родства в результате широкого (общезнатического) перехода к частным формам владения значимым имуществом (скотом, земельными участками, рабами и т. п.), что вызвало появление «юридического феномена» — мужского физиологического линейного рода — «инструмента» охраны родовой собственности и распределения имущества умершего члена рода между оставшимися родственниками в соответствии с физиологически родственной близостью к умершему владельцу. Переходный период этим закончился — это было уже устойчивое раннеклассовое общество.

Отражение двух последних стадий «переходного права» в европейской эпике составляют последние «наслоения» в манере изложения событий в литературных героических песнях: «... конунга... было трое сыновей: ..., ..., ...»; или «Сигмунд, сын Вельсунга, был конунгом во Фраккланде. Синфьетли был его старшим сыном, вторым был Хельги, третьим — Хаммунд». Иначе говоря, здесь содержание и форма изложения как бы «впрессованы» друг в друга. В первом варианте — содержание: «триада» «братьев» от трех жен *конунга*; изложение: три сына одного отца. Во втором варианте еще слож-



нее. Содержание: Синфьетли — «пасынок» Сигмунда (4-й сын его отца, Вельсунга, «равноправный» по социальному возрасту первому физиологическому сыну Сигмунда); Хельги — только социальный «сын» Сигмунда (5-й, последний член пятисегментной архаической системы, равный по социальному возрасту второму члену «триады» и внесенный в «сыновья» Сигмунда на основании одинакового имени — Боргхильд — у его матери и у жены Сигмунда), и только Хаммунд — физиологический сын Сигмунда. Но в изложении вся «триада» — сыновья Сигмунда. Эта форма изложения достаточно отличается от такой: «Гуннар... женился на Глаумвер. А Хегни был женат на Кострбере. Сыновей их звали: Солар, Сневар и Гьюки».

В данном, более архаичном, варианте совпадают и содержание, и изложение: убитый Сигурд, Гуннар и Хегни составляют старшую «триаду» (сын Сигмунда и два сына Гьюки-1), а Солар, Сневар и Гьюки-2 (без указаний на отцов) — младшую «триаду», «триаду» социальных сыновей. Упоминания, хотя и редкие, о конунгах, имевших 4-5 и более потомков, видимо, можно считать отражением в формах изложения (или содержания) этапа, завершающего развитие генеалогического мужского рода.

Проведенный краткий анализ наиболее заметных следов социально-правовых норм и структур архаического и переходного времени Северной и Западной Европы (а использовано менее десятой части этих следов, включая песни об асах и т. п.) достаточно убеждает в том, что принципиальные пути социального развития Африки и Европы были однородны, т. е. и Европа знала время социально-возрастной сегментации общества с эпигамной формой браков и классификационной системой родственной терминологии. Изменения этих социально-правовых традиций шли аналогичным путем, но Европа «продвинулась» в развитии несколько дальше, до появления мужского физиологического юридического рода, а периоды времени отдельных фаз развития этой традиции не были одинаковыми.

Причины отмеченных различий не могут находиться на «различных путях развития» социально-организующих систем, поскольку эти системы суть отражения взаимоотношений людей в сфере материальной жизнедеятельности, в сфере производства и воспроизводства средств существования самого коллектива. Из этого следует, что изменение и развитие материальной жизнедеятельности влечет за собой изменение и развитие социально-организующей системы. Но материальная жизнедеятельность общества архаической формации и переходного периода (да и много позже) теснейшим образом связана с экологической обстановкой конкретной территории — отсюда и расхождения во времени фаз изменений достигаемого результата в течение относительно ортодоксального периода исторического развития. Иными словами, можно сказать, что Африка и Европа (имея в виду конкретные территории материков) проходили в развитии одни и те

же стадии перехода от конца архаической (или первичной) формации к началу классового общества, т. е. к вторичной формации. Однако, приведенных сведений недостаточно для соотнесения течений процессов перехода во времени абсолютной исторической шкалы, поскольку героическая эпика Европы не соотносима по своей сути с реальным историческим временем, для этой цели необходимы материалы со следами архаических правовых норм, содержащиеся в признанных исторических документах.

В этом смысле на первом месте располагается свод древнерусских летописей — «Повесть временных лет». «Повесть», как и любой аналогичный документ, имеет и «легендарную часть», и часть более или менее «историографическую». Легендарная часть возведена к концу IX века и, как и «Хроника» суахилийского государства Пате (XIII в.), начинается с утверждения в Новгороде (а точнее, на Ладогe) власти «триады братьев». Легенды об Олеге, Игоре и Ольге «выдают» значительную правовую роль ранних княжеских жен или матерей и существование некогда «ритуала-убиения» князя.

Норма «триад братьев» (родных и двоюродных) проходит через всю «Повесть», вплоть до конца княжения Владимира Всеволодовича (Мономаха), и «исчезает» при его сыновьях как следствие перехода к вотчинному княжению (начало XIII века). Норму соотношения прав братьев «триады» с четвертым и т. д. братьями (изгоями) отражало правило замещения недостач в младшей триаде: «Четвертый дядя — в версту со старшим племянником». Таким образом, материал, отражаемый «Повестью» для исторического времени X–XII веков, совпадает с материалом «Хроники Пате», отражающим историческое время XIII–XV веков.

Другой опорой для хронологических сопоставлений являются генеалогические списки английских и французских королевских «фамилий», возведенные к ранним правителям на территории этих государств. Начало этих генеалогий отнесено ко времени так называемых «Великих переселений народов» (т. е. конец V — середина VI вв.). Представляется, что «народы» в названии исторической эпохи ранней Европы не отражает сути процесса, ибо «переселялись» не народы, а только «воинства», т. е. молодые мужчины во главе с предводителями (нареченными европейской поздней исторической традицией «королями»).

Знакомство с подобными явлениями в Африке позволяет предположить, что и в Европе это были социально-возрастные группы мужской молодежи, а размах «переселений» и полный отрыв воинств от своего этноса, видимо, свидетельствует о периоде появления системы физиологически родственных «триад» и массовые «переселения» из этносов «четвертых и пятых братьев», которым не осталось места для жизнедеятельности на «земле предков». Видимо, в эту фазу социально-правового развития Европа вступала постепенно, по частям, и процесс занял большее время, чем то, кото-

рое отводит ему официальная история. Возможно, последними в эту фазу вступили народы Северной Европы (Скандинавии), т. к. «Эпоха плаваний викингов» IX–XII веков — не более как специфическая форма того же «Великого переселения народов» по западным берегам Европы и частично в Исландию и Гренландию, а также на восток — по «Пути из варяг в греки». Таковым же было и «переселение» из-за Волги и Урала в западном направлении. Следует учитывать, что и в Европе, и в Азии (на соответствующих территориях) процесс социально-исторического преобразования был не совсем «ортодоксален» в начале и в конце вследствие влияний Римской империи, Византии и ближневосточных деспотий, а после — вследствие образования государства франков, испанских мавров, Киевско-Новгородской Руси и др., как не был совершенно «ортодоксальным» и путь развития восточно-африканского (суахилийского) общества торговых городов. Однако, черты «ортодоксальности» в достаточной мере присутствуют во всех случаях.

В английских и французских генеалогических списках, несмотря на их очевидно позднее составление, обнаруживается довольно много следов архаических правовых норм, более того, проявляется их удивительная живучесть, некая способность к «возрождению».

### **Время англо- и саксов в Британии**

«Переселение» англо- и саксов в Британию официальная история (основываясь на устных преданиях) относит к 449 или 450 году н.э., где они со временем организовали семь независимых территорий: Кент, Суссекс, Вессекс и Эссекс — саксы, а Портумбенленд, Ист-энгл и Мерси — англ. В начале IX века они объединились под властью Эгберта, кенига англо-и. После смерти Эгберта в 836 году Англией правил до 857 года Этельвольф, которого считают сыном Эгберта. Далее последовательно правят четыре сына Этельвольфа (Этельбалд, Этельберт, Этельред и Альфред), правят короткие сроки: 857–860, 860–866, 866–871, 871–901. Сроки правления (последние цифры традиционно указывают год смерти) позволяют сделать три предположения кенига: а) погибали в битвах с внешним врагом или с восставшими бриттами; б) подвергались «ритуалу-убиению»; в) передавали титул от брата к брату после некоторого времени правления (по старшинству). «Ритуал-убиение», видимо, следует отвергнуть — англ. и саксы христианизированы в 597 году и вряд ли при христианстве мог сохраниться столь «языческий» ритуал. Предположение о непрерывных битвах (в т. ч. и между братьями) открывает слишком большую возможность «фантазирования на исторические темы». Но и закономерная передача титула от брата к брату, казалось бы, «натякается» на нестройность времени правления (3, 6, 5, 30). Однако в этой нестройности все же есть своя закономерность, которая вскрывается, если учесть последующих правителей, двух

внуков Этельвольфа: Этельвальда — сына Этельберта, и Эдварда — сына Альфреда.

Этельвальд был убит Альфредом, а Эдвард правил после отца 24 года (901–925 гг.). Закономерность заключалась не в стройности сроков правления, а в смене кратких сроков более продолжительными. А это уже могло отражать борьбу правовых систем, т. е., точнее, сосуществование нескольких правовых норм различного содержания. По наиболее архаичной норме, здесь — пять потомков Этельвольфа: четыре сына и один внук, второй внук убит в 900 г. (почти так же, как и у Ярослава Мудрого); по системе «триад» — три полноправных сына (= «колена» сыновей), один сын «изгой» и два внука (= «колена» внуков, если считать «четвертого дядю, Альфреда, в версту со старшим племянником»). Но «в версту»-то Альфред оказывается с Этельвальдом, которого и убивает, что дает «прецедент» наследования титула от отца к сыну (правовая норма христианского канонического права), поскольку Альфреду наследует его сын Эдвард (как второй в триаде). Отсюда и увеличение продолжительности правлений Альфреда и Эдуарда — Альфред правит за себя, как члена пятисегментной системы, один срок, и другой — за убитого им Этельвальда, третий срок — за себя, как за старшего члена младшей «триады»; Эдвард один срок правит за себя (он 2-й в «триаде») и другой за отсутствующего (вследствие убийства Этельвальда и перемещения «членов») третьего члена триады. Что же касается конкретного срока правления «кенига», то он колеблется от 6 до 12 лет. Это может быть и следствием утраты точности в устной передаче «истории», и следствием учета только порядка рождения с необходимостью подтвердить «совершеннолетие» каким-то «подвигом», и, наконец, следствием турнира или поединка между «претендентами» — последней, наиболее мягкой и признаваемой христианской религией формой ритуала-«убиения» при передаче титула.

Неоспоримо одно — налицо весьма заметный «след» архаической нормы наследования социального статуса титула в пределах «колена» и от «колена к колену», что и подтверждается последующим последовательным правлением трех сыновей Эдварда — Этельстана (925–941), Эдмунда (941–946) и Эдреда (946–955). Следующее «колена»: два сына Эдмунда — Эдвин (955–957) и Эдгард (957–975); и вторая (!) жена Эдгарда — Эльфрида (указана и жена Эдвина — Эльгива). В этом месте некоторый перебой в датах: формально после Эдварда (первым в следующей триаде) правит его старший сын, Эдвард (975–976), а за ним второй сын Эдварда, Этельред (978–1016), но фактически с 976 по 1018 гг. правит Эльфрида (Эдвард либо был убит Эльфридой, либо погиб в войне с данами). В таком случае Этельред правил только с 1013 по 1016 гг. и был убит конунгом данов — Свейном, который и стал «третьим» в этом «колене» (хотя и числится правившим с 1013 по 1014 гг.). Далее, между англо-саксами и данами идет сложная борьба за английский престол, хотя официальная хроно-

логия англо-саксов дана как непрерывная. Конунга данов, Свейна, убивает старший сын Этельреда — Эдмунд «Железные ребра», а через год его и второго сына Этельреда, Эдвина, убивает конунг данов Канут, который и правит с 1017 по 1036 гг. (т. е. «два срока»). После Канута на месте убитого им же третьего сына Этельреда — Альфреда — оказывается его четвертый сын Эдвард. После Эдварда снова даны: старший сын Канута — Харольд (1036–1039), затем второй его сын — Капут-II (по 1041 г.) и «не династийный» сакс Годвин, муж дочери Канута-I — Эдит. Последнюю (перед битвой при Гастингсе, 1066 г.) триаду составили сыновья Эдит и Годвина: Тости, убитый еще до 1041 г., Харольд-II правивший с 1041 г. и Курт, оба погибшие при битве при Гастингсе.

### Время нормандцев

Гийом, герцог Нормандии (Вильгельм «Завоеватель»), победитель битвы при Гастингсе, захватил английский престол в 1066 г. и правил до 1087 г. «Хроники» учитывают пятерых (5!) потомков Вильгельма I: четырех сыновей и дочь. С 1087 г. по 1100 г. правит Вильгельм II, затем он и следующий брат Ричард, гибнут в бою. Далее, по архаической норме, должен был бы править муж Адели, герцог Блуа, но он умирает в 1102 г., и «Хроники» не учитывают его как короля Англии. До 1135 г. правит Генрих I. Дата смерти пятого потомка, Роберта, — 1134 г. «Хроники» снова учитывают пятерых (5!) потомков пятерых предшественников: Вильгельма — сына Генриха I (ум. в 1120 г.); Вильгельма — сына Роберта (ум. в 1128 г.); дочь Генриха I — Матильду (ум. в 1161 г.); ее мужа, герцога Анжу Жоффруа Плантагенет (ум. в 1151 г.); сына Генриха I — графа Глостера (ум. в 1147 г.); и Этьена — сына Адели и герцога Блуа, который, по «Хроникам», «узурпирует» корону Генриха I и правит до 1154 г. Но, с позиций архаической нормы права наследования, он мог и не быть узурпатором. Два старших «брата» умерли при жизни Генриха I; корону, видимо, должен был получить Глостер, но получил ли — неизвестно, он умер (или был убит) в 1147 г.; его убил следующий «брат» — муж Матильды, а герцог Анжу (Плантагенет), которого убил в 1151 г. «узурпатор» Этьен, сын Адели. Можно здесь предположить и борьбу архаической пятисегментной нормы с нормой «триад» потомков одного отца. Такую триаду здесь представляют Вильгельм, Глостер и Матильда. Этьен оказывается не только двоюродным братом, но и четвертым — вне триады, «узурпатором». Именно с позиции нормы «триад» и начинается новая династия — Плантагенетов, т. к. после Этьена правит сын Матильды и Жоффруа Плантагенета (того, которого «Хроники», составленные много позже, не фиксировали как короля уже по норме майората) — Генрих II (1154–1189). На этот раз хроники в качестве следующего «колена» фиксируют шесть потомков Генриха II — точнее, пять, и еще одного — «недостойного». Этот Генрих, старший сын Генриха

II, которому, видимо, показалось неправомерным столь длительное правление отца (28 лет), восстал против отца и был убит в 1182 г. Вследствие этого Генриху II наследует 2-й сын, Ричард «Львиное сердце», который в 1199 г. гибнет при осаде замка во Франции. Брат Ричарда I, Жоффруа, был убит на турнире в Париже еще в 1186 г., и корона переходит к младшему сыну Генриха II — к Иоану «Безземельному». Видимо, Ричард, Жоффруа и Иоан воспринимались как триада наследников, т. е. мужа двух дочерей Генриха II (Генрих Брауншвейг = Мод и Кастильский король = Элноора) — четвертый и пятый «сегменты» — оказываются полностью вне права наследования престола. Но в следующее «колено» опять включены пять потомков предыдущего: дети Жоффруа — Артур и Элеонора; и дети Иоана — Генрих, Элеонора и Ричард.

Очевидно, что со времени Иоана «Безземельного» начинается прямая борьба за установление нормы майората в наследовании королевской власти в Англии. Артур и Элеонора, дети Жоффруа, умерли (или убиты — возможно, Иоаном) в 1203 и 1214 гг., т. е. еще при жизни Иоана (ум. в 1216 г.). Корона перешла к сыну Иоана, Генриху III (Винчестеру). В ходе его 56-летнего правления вспыхнула борьба между Генрихом III и его сестрой, Элеонорой (третий брат, Ричард, умер или убит в 1271 г.), точнее, между Генрихом и ее вторым мужем Монфортом, графом Лейстером. Генрих III убивает Элеонору и ее двух сыновей, и умирает сам в 1272 г. Некоторое любопытство вызывают браки этой триады: женой Генриха была Элеонора Пемброк, мужем (первым) его сестры, Элеоноры — граф Пемброк, а женой Ричарда — Изабелла Пемброк. Видимо, была попытка Пемброков «образовать» новую династию.

Преемником Генриха III становится его сын Эдуард I (1272–1307). «Хроники» дают его, сестру Маргариту и брата Эдмонда как «триаду», дополненную двумя ( $3 + 2 = 5$ ) сыновьями Ричарда и Изабеллы Пемброк — Генрихом и Эдмондом, но это, видимо уже поздние «добавления» с целью ввести в генеалогию королей некоторые знатные имена, поскольку с Эдуарда I устанавливается довольно устойчивый майорат. Эдуарду I наследует старший сын Эдуард II, но «Хроники» учитывают двух его сестер — Жанну и Элизабету, и двух его братьев — Томаса и Эдмунда Кента. После Эдуарда II правит его сын — Эдуард III. Снова «Хроники» учитывают пятерых сыновей Эдуарда III и, видимо, не могут их не учитывать. Второй сын Эдуарда III, Лионель, герцог Кларенс, за год до смерти отца убивает старшего брата, наследника по норме майората, «Черного принца», но в 1377 г. коронуют все же сына (малолетнего) «Черного принца» — Ричарда II. Коронация Ричарда II по норме «абсолютного» майората (т. е. даже не принято во внимание, что его отец не правил) весьма отрицательно воспринимается «отставленными» членами триады «Черного принца»: Лионелем — графом Кларенсом, убившим «Черного принца», и Эдмондом —



герцогом Йорков, который «вошел» в триаду вследствие смерти в 1341 г. третьего сына Эдуарда III — Джона Гонда, графа Ричмонда (вне триады «четвертым» остался пятый брат — Глостер). Начинается война Алой и Белой «Роз». Любопытно, что, опираясь на «норму триад», ее участники, по сути дела, хотят установить норму майората для своих сыновей, т. е. снова идет борьба старого и нового.

Гибнут Эдмунд Йорк (1394), Глостер (1397?), Лионель Кларенс (1388), а победа достается Генриху Болинброку, сыну Джона Гонда и Бланки Ланкастер, который в 1399 г. низлагает Ричарда II (убит в Тауэре в 1400 г.) и становится Генрихом IV. Правовая ситуация такова: Ричард низложен как «незаконный король», ибо был коронован, в обход дяди Лионеля, муж Филиппы (дочери Лионеля) и, следовательно, второй «брат» триады), Эдмонд Мортимер, граф Марч, предусмотрительно убит Болинброком еще в 1381 г., а третий член триады, сам Генрих Болинброк, законно становится на место Ричарда II. Утверждается династия Ланкастеров. После смерти Генриха Болинброка (1415 г.) корона переходит к его старшему сыну, Генриху V, а после смерти последнего (1422 г.) переходит к его 9-летнему сыну — Генриху VI. Война «Роз» продолжается. В 1471 г. гибнет в битве сын Генриха VI, Эдуард, а в 1472 г. герцог Йорк, Эдуард (правнук Эдмонда Йорка, из колена «Черного принца»), начинает династию Йорков. И снова (в который раз) хроники учитывают в «колене» пять персон: Эдуарда — сына Генриха VI, и четырех сыновей Ричарда Йорка: Эдуарда IV, графа Ретланда, герцога Кларенса и герцога Глостера — Ричарда, которые «сводятся» в триаду вследствие смерти Ретланда (1460), и Эдуарда — сына Генриха VI (1471). Этим можно объяснить право на корону четвертого из братьев-Йорков — Ричарда Глостера (всемирно известного шекспировского «демона» — короля Ричарда). Джорж Кларенс, выступавший на стороне Ланкастеров против старшего брата, подозрительным Эдуардом IV был заключен в Тауэр и утоплен в бочке вина (1477 г.), сам Эдуард умер в 1483 г. По норме майората ему должен был наследовать его сын, Эдуард V. Но Ричард Глостер заключил его и второго сына Эдуарда IV в Тауэр и короновался сам. Официальная английская история утверждает, что Ричард объявил наследника и других детей Эдуарда «незаконнорожденным» из-за того, что Эдуард не расторг свой первый брак, но здесь можно увидеть и «незаконность» майората по сравнению со старой нормой «триад», т. е. с правом брата короля (как последнего «следа» этой нормы). Это в некоторой мере подтверждается и «слухами» о намерении Ричарда III (после смерти жены — Анны Уорвик) жениться на племяннице, дочери Эдуарда IV — Элизабете. С позиции самого старого архаического права такое намерение Ричарда вполне закономерно — он «занял место» Эдуарда V, а Элизабета, таким образом, «стала» его «младшей сестрой» — женой. И, видимо, не случайно после битвы при Босфорте, где был убит Ричард III,

победитель, граф Ричмонд (отдаленный боковой потомок первой жены Генриха V из линии Тюдоров), женился на этой Элизабете и стал Генрихом VII, родоначальником династии Тюдоров (в 1485 г.). С Генриха VII — снова майорат: его сын — Генрих VIII, а далее — две внучки, Мария и Элизабета и внук, Эдуард VI, последний Тюдор, затем — Стюарт.

Так в истории английских королей выглядят «следы» трех этапов архаической правовой нормы верховной власти, иначе говоря, «следы» чрезвычайно длительной и весьма кровавой борьбы архаических элементов права с правом генеалогического мужского рода в высшей сфере феодального общества, хотя в «этнотесе», т. е. в нижних слоях английского общества, оно, вероятно, утвердилось еще при англо-саксонской династии, а ко времени Тюдоров полностью заменилось правом буржуазной индивидуально-частной собственности.

\* \* \*

В истории французских королей можно также найти «следы» архаических норм наследования власти, но излагать их столь же подробно нет смысла. Следует только учесть, что во Франции довольно устойчивый майорат королей устанавливается со времени Гуго Капета, с 898 г. Это представляет некоторый интерес в связи с тем, что представитель феодального французского общества, герцог Нормандии — Гийом (Вильгельм Завоеватель), утвердив свою власть и династию в Англии в 1066 г. (а он — современник короля Франции Анри I, внука Гуго Капета), видимо, не смог установить там норму майората, что заставляет предположить значительную роль местных («этнических») традиций правопорядка верховной власти, при определенных обстоятельствах существенно влияющих на формы развития этого права. По такой же причине португальские завоеватели не смогли в Пате установить привычный им порядок наследования власти *мфальме* от отца к сыну в XVI веке. Не смог этого сделать и союзник суахилийцев по изгнанию португальцев из восточной Африки оманский султан Сеййид Саыд, когда установил свою власть над Занзибаром (XVIII в.). Его ставленники в Момбасе, Мазруи, и позже потомки Саыда в Занзибарском султанате (до конца XIX в.) соблюдали в престолонаследии норму передачи от брата-*ндугу* к младшему брату-*ндугу*. Однако, это влияние «этнической традиции», видимо, нигде не было прямым воздействием тех норм, которые действовали вне группы родственников, обладавших правом на верховную политическую власть, поскольку в «этнотесе» архаические нормы ни в Восточной Африке, ни в Европе уже не действовали. Отличие заключалось лишь в том, что в Европе сложился мужской линейный генеалогический род (юридический феномен), а в суахилийском обществе правовой юридический феномен связывал в систему владения и наследования имущества более обширную группу физиологических род-

ственников-джамаа — по системе классификационного родства. Независимо от причин этого различия, наблюдается и нечто общее — выделение физиологически родственных «триад». Это начиналось как выделение высшего, властвующего слоя «этноса», а затем, наоборот, «этнос» опережает социальный «верх» в развитии новых норм права, а верховная политическая власть надолго сохраняет значительные элементы «архаики».

Видимо, можно из многих причин подобных обстоятельств выделить несколько главных. Они отражают тот факт, что общество становится многослойным и в имущественном, и в правовом отношении. Архаический, единый во всех отношениях этнос, постепенно превращается (включая и другие этносы, находящиеся в сфере распространения власти растущего политического организма) в «этнос» иного уровня, где правовые традиции «расходятся» в различных социальных слоях и развиваются самостоятельно, в соответствии с ролью и положением каждого слоя в новом, классовом обществе. И главные внутренние причины этого, видимо, следующие: возникающая верховная политическая власть, если ее появление сопровождается каким-либо прогрессом в экономической сфере общественной деятельности, первоначально воспринимается обществом в нормах архаических представлений «магической идеологии» как всеобщее благо. И это надолго остается основной «опорой» власти в общественном сознании. Отсюда и живучесть в нормах наследования ее архаических элементов, некая постоянная «ссылка» на «извечность» власти.

В более низких, но имущих слоях, архаика не способствует накоплению собственности, она неизбежно дробится. Поэтому здесь правовой коллектив кровных родственников обретает тенденцию к сужению (чего до известного времени нет у коллектива, обладающего политической властью). А степень и скорость сужения коллектива материальных собственников до имущего кровного рода (юридического феномена) зависела от экологических возможностей развития экономики. В неимущих слоях архаическая правовая традиция, в сущности, разрушается еще быстрее и полнее, поскольку «общезнаковая» собственность узурпируется высшими слоями и охраняется в этом виде политическим устройством общества, а личная и даже семейная собственность столь незначительна, что не требует для наследования более или менее широких кровнородственных связей.

Общий итог рассмотрения приведенных материалов можно свести к одному выводу — ВНУТРЕННИЕ процессы социального и политического развития различных в расовом отношении обществ во время перехода к вторичной формации принципиально одинаковы, а расхождения в абсолютном историческом времени и различия в результатах связаны не с расой, а с экологическими возможностями территорий и с историческими явлениями во внешней среде.